

Явлинский Григорий Алексеевич. Новости :: Перспективы России. Книга Явлинского :: Версия для печати. Официальный сайт

Адрес сервера: <http://www.yavlinsky.ru/index.phtml>

Адрес страницы: <http://www.yavlinsky.ru/news/index.phtml?id=2790>

[04.04.2006 - www.yavlinsky.ru]

Перспективы России. Книга Явлинского

3 апреля 2006 года

Экономический и политический взгляд

"ГАЛЛЕЯ-ПРИНТ", Москва, 2006

Редактор: Ю. Здоровов

Корректор: И. Осипова

Художник: Л. Аниканова

Содержание:

1. О современной экономике России

- 1.1. Россия в категориях богатства и бедности
- 1.2. Особая роль «сырьевой экономики»
- 1.3. Экономическое наследие советского периода
- 1.4. Некоторые итоги

2. Мировое хозяйство и особенности международной конкуренции

- 2.1. «Расколотый» мир
- 2.2. Изменение характера международной конкуренции и закрепление существующих разрывов
- 2.3. Будущее глобальной экономики

3. Есть ли шанс у России?

- 3.1. Статус-кво как невозможный вариант
- 3.2. Условия для прорыва: необходимые, но недостаточные
- 3.3. Система «периферийного капитализма» как преграда на пути модернизации

4. Новый общественный договор и основные институциональные реформы

- 4.1. Общественный договор в России: прошлое и настоящее
- 4.2. Главная цель
- 4.3. Три условия
- 4.4. Направления реформ

Заключение

1. О современной экономике России

В этой книге мы попытаемся взглянуть на то, что произошло и происходит с российской экономикой, да и с Россией в целом, в широком контексте, а именно: с учетом того, какое место занимает сегодня страна в многообразном и противоречивом мире, в глобальной экономике. Мы хотим определить, какое место может занять Россия в долгосрочной перспективе, через несколько ближайших десятилетий. Посмотрим на тенденции мирового хозяйства, которые уже выявились или только намечаются сейчас, в начале двадцать первого столетия, и попытаемся ответить на вопрос, что ожидает российскую экономику. Однако начать нам следует с описания исходных позиций - того состояния и положения, в котором находится сегодня экономика России.

1.1. Россия в категориях богатства и бедности

Говоря о современной российской экономике, прежде всего, необходимо определить ее нынешнее место в своего рода мировой «табели о рангах». К сожалению, среди многих мифов, овладевших общественным сознанием в России на бытовом, а отчасти даже и на экспертном уровне, есть представление о России как о богатой стране. Согласно этому мифу страна, правда, сегодня переживает некоторые трудности, страдает от козней внешних и внутренних врагов и потому не особенно процветает, но, тем не менее, достаточно богата,

чтобы через очень непродолжительное время - скажем, одно десятилетие - претендовать на роль одного из экономических лидеров современного мира. Несмотря на то, что затянувшийся «переходный период» несколько поколебал этот миф, его позиции, в том числе и среди интеллигенции, все еще достаточно прочны и периодически становятся почвой для всякого рода экзотических рецептов достижения всеобщего процветания путем перераспределения неких финансовых потоков, перекрытия оттока капитала за рубеж, изъятия ренты, национализации нефтедобычи, использования золотовалютных резервов для инвестиций или потребления и т.п. Так вот, для того чтобы обзавестись иммунитетом против такого рода чудодейственных рецептов и поиска некоего скрытого (или украденного у народа) богатства, необходимо знать, что между Россией и странами, которые принято называть богатыми, лежит если и не пропасть, то очень большая дистанция.

Сравнивая уровень доходов населения и государства, мы должны констатировать, что российский ВВП на душу населения соответствует уровню развивающихся стран и в несколько раз ниже среднего уровня развитых стран. Это - не количественный, это - качественный разрыв, который при нормальных условиях и нормальном течении экономической жизни невозможно преодолеть ни за десять, ни за двадцать, ни за тридцать лет (какие бы амбициозные задачи вроде удвоения ВВП за десять лет мы ни ставили). Для того чтобы за считанные десятилетия преодолеть такой отрыв, необходимо экономическое чудо, которое, в отличие от остальных чудес, никогда не случается само по себе, а только в результате длительных, настойчивых и компетентных усилий. Пока же (если иметь в виду последние пятнадцать лет) экономическое отставание России по среднему уровню дохода на душу населения не сократилось ни на йоту.

При этом доходы, как это и естественно для стран с относительно низким абсолютным уровнем доходов, распределяются крайне неравномерно. Разрыв между верхней и нижней децилями населения по уровню дохода является четырнадцатикратным и последние десять лет практически не уменьшается. Доля населения, которое живет в условиях абсолютной бедности, то есть испытывает затруднения с удовлетворением базовых жизненных потребностей, составляет не менее 35%. Наличие довольно значительного слоя богатых и очень богатых людей ничего не меняет - такая картина является типичной именно для относительно бедных стран, где как раз и наблюдается соседство огромных ареалов застойной бедности и нищеты, с одной стороны, и преуспевающей даже по меркам западных стран верхней прослойки - с другой. Несмотря на идущие уже более десяти лет разговоры о формировании в России мощного нового среднего класса, никаких подтверждений этого процесса не наблюдается. Небольшой по размерам средний класс, состоящий из работников сферы обслуживания, развлекательных услуг, чиновников и разного рода рантье, - это признак бедной страны и бедного общества. Признак богатой страны - это не наличие среднего класса как такового (не будем забывать, что, например, индийский средний класс превосходит российский и по численности, и по уровню доходов), а его относительный размер и состав. В развитом обществе он состоит из квалифицированных специалистов высшей и средних категорий (менеджеров, инженеров, офицеров, врачей и учителей, научных работников, высококвалифицированных рабочих и фермеров), а также организованных законопослушных предпринимателей, и составляет не 20-25, а 75-80% всего населения.

И проблема здесь не исчерпывается уровнем номинальных текущих доходов населения. Огромен также разрыв, отделяющий Россию от развитых стран в области социальной инфраструктуры. Количество и качество жилья и коммунальных услуг, уровень обеспеченности медицинскими услугами и учреждениями, уровень социального и пенсионного обеспечения, охраны детства (вспомним хотя бы о социальном сиротстве, более известном у нас под названием «детская беспризорность»), пенитенциарной системы - все это в лучшем случае соответствует стандартам не самой худшей части развивающегося мира, но не выдерживает сопоставления с уровнем государств, занимающих нижние места в списках развитых стран.

Производственная и транспортная инфраструктуры также находятся на низком техническом уровне и сильно изношены физически; условием их обновления и модернизации являются крупные единовременные вложения, несопоставимые с размерами бюджета государства. В стране по сей день практически нет современных автодорог, а пропускная способность железных дорог низка и в последнее время практически не растет. В немалом количестве населенных пунктов редкостью остается обыкновенный телефон (по данным опросов, домашнего телефона не имеет больше половины домохозяйств), а по количеству компьютеров на душу населения страна находится в мировом рейтинге где-то в восьмой десятке, отставая по этому показателю от США и Западной Европы на порядок.

Россия существенно отстает от группы развитых стран и даже от наиболее «продвинутых» среднеразвитых экономик и с точки зрения основных характеристик производства и инвестиций - производимой продукции в расчете на душу населения, применяемых в производстве технологий и общей его эффективности, абсолютных показателей производительности труда и капитала. Вопреки искусственно поддерживаемым мифам обрабатывающий сектор российской промышленности при нынешнем уровне его технической оснащенности и логистической поддержки на 70-80% неэффективен по мировым стандартам и не способен выжить в условиях полностью открытой экономики и мировых цен на сырье и энергию. Более того, чем более сложным в техническом и организационном отношении является основное производство, чем больше оно опирается на общеэкономическую инфраструктуру и, соответственно, от нее зависит, тем больших затрат потребовало бы выведение такого производства на уровень эффективности, обеспечивающий для него международную конкурентоспособность без существующих подпорок в виде административной защиты и низких цен на сырье, энергию и рабочую силу.

Правда, остается тезис о природных богатствах, которые якобы настолько велики и неисчислимы, что могут, чуть ли не сами по себе, без долгих, рассчитанных на десятилетия упорных и удачных усилий по организации современных производств, принести стране и ее населению процветание и достаток. Но на этот тезис можно привести как минимум четыре серьезных возражения.

Во-первых, они не так уж «неисчислимы». Разведанных запасов нефти при нынешних темпах ее добычи хватит лет на двадцать пять, да и по другим основным ресурсам ситуация в принципе похожая. Даже с учетом постоянного прироста запасов о каких-то неисчерпаемых ресурсах не может быть и речи.

Во-вторых, «богатства» - понятие относительное. То, что сто лет назад могло быть основой благополучия целых государств (например, запасы железной руды и угля в Германии), сегодня едва способно прокормить несколько тысяч занятых в соответствующих отраслях. Потребности в нефти и ее производных, возможно, тоже уже через несколько десятилетий начнут снижаться в связи с началом широкомасштабного использования альтернатив мазуту и бензину для производства электроэнергии и в двигателях внутреннего сгорания.

В-третьих (и это главное): то, что скрыто в недрах или водах, - это еще не богатство. Богатство - это то, что можно из этого природного состояния извлечь, доставить, обработать и продать так, чтобы покрыть издержки и получить прибыль, а это совсем не одно и то же. Теоретически подо льдами Антарктиды тоже могут быть скрыты огромные запасы минеральных ресурсов, но ведь только безумец заплатит хотя бы рубль за право вести там, допустим, разведку и добычу нефти и газа. В свое время мы гордились, что можем чуть ли не за полярным кругом добывать уголь, а теперь вынуждены тратить огромные деньги, чтобы только вывезти оттуда людей. По расчетам экспертной группы специалистов РАН, уже сейчас только нефть и газ способны давать существенный добавочный доход, превышающий среднюю норму прибыли, да и то при нынешних высоких мировых ценах на них. Остальные же «колоссальные природные богатства»

способны в лучшем случае поддерживать занятых в добывающих их отраслях и платить достаточно скромные налоги, а в худшем - требуют для своего освоения по сути безвозвратного субсидирования.

Наконец, в-четвертых, не надо забывать о масштабах страны. В Саудовской Аравии, где сравнительно небольшое население сосредоточено на узкой полосе территории вдоль побережья, крупнейших в мире запасов нефти достаточно, чтобы за их счет обеспечить высокий уровень жизни, да и то только коренным гражданам, которых менее 20 миллионов. В России, где свыше 140 млн граждан разбросаны на территории в 17 млн кв. км, это невозможно в принципе. Доход, который может быть получен здесь от освоения природных ресурсов, надо делить, во-первых, на 140 млн человек, не считая работающих здесь иностранцев, во-вторых, принимать в расчет российские расстояния и российские дороги, и в-третьих, учитывать российский климат со всеми вытекающими из него экономическими последствиями.

Поэтому столь любимый многими тезис о том, что народ России якобы живет на несметных богатствах, которые у него отняли какие-то злоумышленники, и поэтому он живет так бедно - не соответствует действительности. Вопрос о контроле за природными ресурсами, о монополизме при их эксплуатации, о характере и использовании природной ренты - это вопросы политические, если угодно, социальной справедливости, но не вопросы бедности или процветания страны. Если речь идет о том, что отдельные лица не должны незаконно присваивать себе доход, проистекающий исключительно из права распоряжения национальными природными ресурсами, то это, безусловно, правильная постановка вопроса. Если же говорится о том, что «мы вернем народу его природные ресурсы, и он заживет счастливо и богато», то это - циничный обман или, в лучшем случае, глубокое заблуждение.

1.2. Особая роль «сырьевой экономики»

Пожалуй, наиболее общим местом для любых аналитических статей и материалов о российской экономике является тезис о ее зависимости от добычи и экспорта природного сырья, и в первую очередь природных энергоносителей - нефти и газа. Хотя в отношении конкретных цифр и расчетов, призванных продемонстрировать высокую зависимость российской экономики от сырьедобывающего сектора, существуют значительные расхождения и споры, в той или иной степени эту зависимость признают практически все эксперты. Вместе с тем вопрос о формах и реальной степени этой зависимости не так прост и требует некоторых разъяснений.

Прежде всего, следует оговориться: доля непосредственно сырьевых отраслей в формировании российского ВВП сравнительно невелика - даже при расширительном толковании на нее приходится 15, максимум - до 20% производимого валового внутреннего продукта. Вместе с тем по многим другим важнейшим структурным показателям удельный вес сырьевых отраслей гораздо выше. По нашим оценкам, например, на него приходится более половины всех производственных инвестиций и чистой прибыли российских предприятий. Именно на этот сектор приходится основная часть совокупных финансовых ресурсов, которыми располагают российские компании нефинансового сектора, здесь формируется большая часть денежных потоков, поддерживающих экономическую активность в реальном секторе экономики. В российском экспорте доля первичных ресурсов (включая металлы и металлопрокат) превышает 80%, причем приблизительно 60% всего объема экспорта приходится на продукцию нефтегазового сектора. Столь же велика зависимость от сырьевого сектора (включая отрасли первичной переработки природного сырья) и налоговых поступлений. В совокупных доходах расширенного правительства доля поступлений от этого сектора превышает три четверти.

Кроме того, и в обрабатывающей промышленности отраслевая структура производства на самом деле представляет собой своего рода пирамиду. Ее основание (и, соответственно, большую часть общей площади) образуют отрасли, тесно связанные с использованием большого количества сырья, составляющего значительную часть совокупной стоимости продукта этих отраслей. И наоборот, отрасли и производства, которые можно условно отнести к сфере высоких технологий, представляют собой вершину условной пирамиды, доля которой в общем объеме производства крайне мала. Таким образом, значимость сырьевого сектора в совокупной экономической активности гораздо выше сравнительно скромных показателей удельного веса этого сектора в российском ВВП.

Строго говоря, в этом вопросе вообще нельзя полагаться только на количественные подсчеты - не менее важен, хотя и трудноопределим, качественный аспект, включающий в себя оценку косвенного, в том числе и психологического влияния состояния сырьевого сектора на экономику в целом. На сырьевой сектор опираются, и им в очень существенной степени определяются доходы, инвестиции и спрос в секторах, формально никак не связанных с добычей и первичной переработкой сырья. Если в виде условного «несырьевого сектора» представить себе ту часть экономики, которую составляют успешно работающие предприятия в альтернативных «сырьевой экономике» отраслях (главным образом - это так называемая «новая экономика» России), то мы увидим, что отношения между этими двумя секторами не симметричны. Если «экономика сырья» держится в преобладающей степени на удовлетворении внешнего спроса и в принципе может обойтись без поддержки со стороны отечественного несырьевого сектора, то для последнего «сырьевые» деньги - это, как правило, необходимый элемент для выживания, не говоря уже о развитии. Без сравнительно дешевых сырья и энергии, а главное - без спроса на конечную продукцию, обеспечиваемого доходами предприятий и государства от продажи сырья и продуктов его первичной переработки, большинство предприятий несырьевого сектора неизбежно теряет историческую перспективу. Учитывая, что последние, как правило, ориентированы главным образом на внутренний рынок и к тому же не отличаются заметной конкурентоспособностью по сравнению с импортными аналогами, потеря сегмента рынка, связанного с «сырьевыми» деньгами, в большинстве случаев приведет их к неизбежному банкротству. Другими словами, зависимость условного «несырьевого» сектора нашей экономики от сырьевого на порядок выше, чем обратная зависимость второго от первого.

В результате таких несимметричных отношений колебания конъюнктуры на сырьевых рынках оказываются чуть ли не главным фактором, влияющим на общее самочувствие экономики в целом, равно как и на состояние государственных финансов. Помимо непосредственного воздействия через цепочку доходы - спрос - доходы, такое влияние оказывается и через доступность внешнего финансирования для предприятий несырьевых отраслей. Финансовое положение крупнейших российских компаний, благосостояние которых за единичными исключениями опирается на сырье и энергоносители, де-факто является сегодня главным фактором стоимости кредита для всех остальных предприятий, поскольку оно, с одной стороны, в значительной степени определяет состояние ликвидности российской банковской системы, а с другой - состояние государственных финансов, которое, в свою очередь, через суверенный рейтинг России влияет на стоимость зарубежных заимствований любых российских предприятий.

Более того, объективно обусловленная односторонняя зависимость всей остальной российской экономики от ее сырьевого сектора неизбежно усиливается сегодня еще и психологическим фактором: в условиях, когда и средства массовой информации, и правительственные чиновники постоянно говорят о ценах на нефть как о главном факторе, определяющем темпы роста экономики в целом, те, кто принимают решения относительно объемов и направления расходования крупных средств (это касается и инвестирования,

и долгосрочных потребительских расходов), вольно или невольно ориентируются на состояние и перспективы сырьевого сектора как на фактор, определяющий их собственные долгосрочные решения. А принятые решения, влияющие на движение крупных финансовых потоков, даже если они сделаны под влиянием чисто психологических факторов, автоматически становятся фактом объективной, реальной экономической жизни.

Таким образом, несмотря на ряд оговорок, можно без особых натяжек утверждать: в структурном отношении сырьевой сектор занимает в российской экономике доминирующее, центральное место.

О причинах подобного положения можно говорить много, тем более что они, несомненно, многообразны и сложны. В упрощенном же виде представим их в виде сочетания двух объективных факторов - высокой наделенности России минеральными и иными природными ресурсами, с одной стороны, и постоянным (в историческом плане) относительным отставанием в экономическом развитии от группы своих западно-европейских соседей - с другой. Сегодня, как и сто лет назад, российская экономика сталкивается с ситуацией, когда ресурсная, сырьевая экономика дает гораздо более быструю и масштабную отдачу, является гораздо более эффективным средством обогащения для предпринимательского и связанного с нею чиновничьего класса, нежели рискованные попытки развивать относительно новые и технологически более сложные предприятия в условиях жесткой конкуренции с заведомо более мощными игроками из более развитых стран. Позже мы еще вернемся к этому вопросу, но общий вывод здесь очевиден: в условиях относительно открытой и слаборазвитой экономики наличие природных ресурсов, которые могут быть предметом торговли на мировых рынках, в долгосрочном плане не способствует, а скорее препятствует модернизации рыночной экономики, поскольку отвлекает в сырьевую сферу слишком значительную часть финансовых и предпринимательских ресурсов, давая при этом слишком мало стимулов для ускоренного роста других отраслей и сегментов. После того как попытка преодолеть отставание советскими методами, то есть через сворачивание рынка и хозяйственную изоляцию от более развитых стран, в конечном итоге не удалась, ситуация стихийно вернулась к исходному положению - чересчур высокой по меркам развитого мира доле добычи сырья в общей структуре экономической деятельности и зависимости от нее всей остальной экономики.

Однако для нас здесь все-таки важнее не причины, а экономические и социальные следствия сохранения подобной структуры. Очень большая часть политэкономических характеристик нашей экономической системы, так или иначе, напрямую или косвенно связаны с сырьевым характером российской экономики. Что имеется в виду?

Во-первых, это высокая степень концентрации и монополизма. Сырьевой сектор экономики, будь то добыча нефти или производство алюминия, по своей природе требует огромных масштабов производства и управляющих им компаний и, неизбежно, высокой степени концентрации производства и капитала. Нигде в мире не существует острой конкуренции в соответствующих отраслях в национальных масштабах - она существует (и то не всегда) только в масштабах мирового рынка и мировой экономики. Соответственно, сырьевой перекокс является пусть не единственным, и даже не главным, но все же важным фактором, он обуславливает высокую степень монополизма в российском хозяйстве.

Во-вторых, оборотной стороной повышенной роли «сырьевой экономики» является низкая (по меркам развитых стран) производительность в несырьевом секторе. С учетом гораздо более низких базовых издержек (уровень оплаты труда, стоимость сырья и энергии, ценовые характеристики земле- и природопользования) стоимость конечной продукции в обрабатывающих отраслях, особенно в отраслях с высокой долей добавленной стоимости, оказывается достаточно высокой по сравнению с аналогами, производимыми в более развитых странах и регионах. Низкая производительность в альтернативных сырьевых секторах экономики, безусловно, органически вытекает из «закачки» непропорционально большой части хозяйственных ресурсов в сырьевой сектор, в том числе в связи с его активной экспортной деятельностью.

В-третьих, это слабый спрос на инвестиции и высокий уровень оттока капитала. Действительно, уровень инвестиций в сырьедобычу достаточно жестко детерминирован природными условиями разработки конкретных месторождений, с одной стороны, и мировой конъюнктурой (тенденциями спроса и уровнем цен, а также его динамикой) - с другой. Здесь крайне слабо работает механизм взаимодействия между инвестициями и спросом (инвестиции - модернизация производства - новая продукция - новый спрос - новые инвестиции), работающий в обрабатывающей промышленности в целом и в особенности - в ее высокотехнологичной части. Соответственно, доходы, порождаемые сырьевым производством, лишь в ограниченном размере могут быть обращены на нужды расширенного воспроизводства и, не находя применения в слабо развитом и медленно растущем обрабатывающем секторе внутри страны, с неизбежностью выталкиваются за ее пределы. В этом смысле национальной экономике, в целом ориентированной на добычу и вывоз первичных ресурсов, неизбежно сопутствует активный экспорт капитала, который внутри страны объективно является относительно избыточным. (С этой точки зрения естественно, что, например, капитал арабских нефтедобывающих стран очень активен на зарубежных рынках и в меньшей степени находит сферы применения внутри собственных стран.)

В-четвертых, для сырьевой экономики характерна хроническая утечка из страны трудовых ресурсов, особенно с высоким уровнем образования. Здесь действует по сути тот же механизм, который был описан в предыдущем абзаце, - ограниченная потребность сырьедобывающих отраслей в рабочей силе, особенно квалифицированной, обуславливает отток из страны не только финансовых, но и трудовых ресурсов. И в том, что Россию в течение последних полутора десятилетий покинуло несколько сот тысяч квалифицированных специалистов, повинна не только общая нестабильность и бедность, но и объективная ограниченность потребностей реального сектора российской экономики в квалифицированных технических и управленческих специалистах, связанная в том числе и с преобладанием в ней производств сырьевой направленности.

1.3. Экономическое наследие советского периода

Из того, что было сказано, казалось бы, логически вытекает вывод о том, что экономика сегодняшней России представляет собой чуть ли не классический пример хозяйства страны, относящейся ко второму-третьему эшелону мировой капиталистической экономики, - страны, находящейся, по большому счету, на периферии мирового хозяйства и выступающей в качестве несамостоятельной его части, поставщика первичных ресурсов и рынка сбыта для продукции более продвинутой части глобального капитализма. Действительно, мы имеем качественный разрыв в уровне доходов, в технологическом уровне производства и его структурных характеристиках; в уровне эффективности использования исходных экономических ресурсов. Мы имеем экономику, в очень большой степени зависимую от топливно-сырьевых отраслей, со слабо развитым (по меркам развитых стран) обрабатывающим сектором и еще менее развитым финансовым сектором. Мы не имеем самодостаточности и внутренне встроенных механизмов роста в нашем национальном хозяйстве, существует высокая зависимость экономики и бизнеса в России от экономики развитой части мира - ядра современного капитализма.

Наконец, мы имеем соответствующую этому экономическому положению социально-политическую надстройку, а именно: отсутствие в стране зрелого гражданского общества и присущих ему институтов, то есть развитой правовой системы, независимого судопроизводства, реальной, а не декоративной партийно-парламентской политической системы, подотчетного парламенту и партиям правительства и т.д. Я уже предлагал в качестве общей характеристики современного российского капитализма выражение «периферийный капитализм», которое, на мой взгляд, с одной стороны, отражает неполноценность развития в нашей стране основных рыночно-капиталистических отношений и институтов (то есть, это своего рода недокапитализм, ухудшенный капитализм), а с другой - его зависимое положение в рамках глобального капитализма. Он занимает главным образом традиционные и неперспективные ниши мирового хозяйства, не дающие возможности максимально эффективно использовать имеющиеся в стране материальные и людские ресурсы.

Вместе с тем, если мы сравним Россию с другими странами, имеющими примерно такие же характеристики и занимающими в мировом хозяйстве аналогичное положение, то мы не сможем не заметить ряд отличительных черт, ряд особенностей, во многом связанных с особенностями исторического пути России, потенциально выделяющих ее из ряда «коллег по цеху». Заключаются эти особенности главным образом в двух вещах: 1) в наличии в структуре ее экономики некоторых секторов, отраслей и производств, не характерных или во всяком случае не типичных для классической «периферийной экономики», и 2) в избыточных для такой модели качественных характеристиках исходных экономических ресурсов, присутствующих в ее хозяйственной системе. Рассмотрим их поподробнее.

Итак, первое, что мы должны отметить, - это своеобразное наследие советской индустриализации и затянувшейся на долгие десятилетия исторической конфронтации тогдашнего Советского Союза, выступившего в роли преемника Российской империи, со всем развитым капиталистическим миром. Наследие это состоит, прежде всего, в том, что в Советском Союзе (и в первую очередь в составлявшей его основу Российской Федерации в ее нынешних границах) в условиях почти полной изоляции от мирового рынка был сформирован почти полный цикл производств и отраслей, присутствующих в современной индустриальной экономике. То есть к базису из естественных для экономического уровня России производств сырьевого сектора и сектора его первичной переработки были пристроены не обусловленные этим уровнем, в значительной степени искусственно созданные блоки отраслей глубокой переработки и машиностроения, в том числе очень сложных и требующих для своего становления огромных капиталовложений. При всей малоэффективности многих звеньев цепочки перерабатывающих производств, при объективном отсутствии адекватного внешнего спроса и необходимости постоянной централизованной поддержки, не обусловленной объективными внутренними потребностями, эти отрасли были тем не менее созданы и существовали в значительных масштабах. В первую очередь это относится к приборо- и станкостроению, радиоэлектронной промышленности, производству уникальных видов энергетического оборудования и систем вооружений, в значительной степени - к судостроению и авиастроению. Кроме того, в стране была создана широкая сеть научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро, часть из которых обслуживала вышеперечисленные отрасли и производства, часть - вела работы на более длительную перспективу. В результате доля технически сложных и интеллектуалоемких производств и, следовательно, подготовленных для работы в них рабочих и специалистов, была пусть и искусственно, но поднята до очень значительных пределов.

Одновременно система форсированной подготовки рабочей силы обусловила более высокий, чем в странах с аналогичным уровнем экономического развития, уровень общего и профессионального образования. Вне зависимости от того, насколько полно и эффективно использовались его результаты, массовое образование (в отличие от элитного, ситуация с которым была менее однозначной) находилось на уровне, не уступавшем среднему уровню развитых стран, а в отдельных аспектах и превосходящем его.

При этом необходимо оговориться: было бы обманом утверждать, что вышеупомянутые отрасли и секторы были действительно передовыми по мировым меркам. С точки зрения некоторых уникальных технических решений - возможно, да. Но с точки зрения экономики они базировались на непропорциональной и неэффективной централизации всех имеющихся ресурсов для решения задач, сформулированных исходя из идеологических или стратегических соображений. То есть в основе их существования и развития лежало нерыночное распределение ресурсов, осуществляемое государством-собственником; государством, непосредственно управляющим практически всей хозяйственной деятельностью в стране. Естественно, что крах этого государства в начале 1990-х годов, слом механизма централизации в его руках основной части экономических ресурсов и открытие экономики для внешней конкуренции неизбежно привели к сокращению производственной деятельности в этих отраслях на 70-80% и более. Известно, что в течение 3-4 лет после отмены государственного монопольного контроля за хозяйственной активностью остановились сотни и тысячи производств, составлявших до этого предмет гордости советской промышленности, а на оставшихся коэффициент загрузки оборудования и использования трудовых ресурсов упал в несколько раз. Могло ли быть иначе? При стихийном переходе к рыночной экономике, которую осуществили в 1992 году, иначе и не могло быть: производство, ориентированное на выполнение специфических государственных заказов, и производство, ориентированное на массовый спрос, - это принципиально различные производства, механическая конверсия одного в другое просто невозможна, так что проекты подобного рода изначально были обречены на провал.

Тем не менее непреложным фактом остается и то, что в советский период при низком уровне жизни основной части населения и в целом отсталой экономике в некоторых ее секторах были созданы серьезные заделы для производства более высокого уровня, чем уровень экономики в целом. Более того, в отличие от самих искусственно созданных производств, эти заделы (прежде всего интеллектуальные и инфраструктурные) не исчезли вместе с падением производства в первой половине 1990-х годов и в значительной своей части сохранились и сейчас, по прошествии десяти с лишним лет после кончины плановой экономики.

Прежде всего, это большое количество людей, имеющих достаточно высокий уровень общего образования, обладающих высокой мотивацией и способностью к самообразованию и обучению, профессионально мобильных и готовых работать по найму практически в любой сфере, в том числе требующей профессиональной квалификации. Не случайно, что рост многих новых видов бизнеса в 1990-е годы, в частности в области финансовых услуг, развитие сферы телекоммуникаций, а также восстановление и расширение производства некоторых видов электронной продукции как бытового, так и промышленного назначения, при всех присущих новым предприятиям в этих сферах слабостях, не испытывали больших проблем с обеспечением себя квалифицированными трудовыми ресурсами и не нуждались в привлечении большого количества специалистов из-за рубежа.

Предпринимающиеся в последние годы попытки включить российские предприятия и организации в таких специфических и, безусловно, высокотехнологических сферах, как авиакосмическая промышленность, атомная энергетика, биотехнологии и др., в международную кооперацию, в том числе в деятельность транснациональных бизнес-структур, показала, что определенные ресурсы в виде результатов НИОКР и специалистов в соответствующих областях и сейчас, спустя почти полтора десятилетия, обладают немалой рыночной, в том числе и конъюнктурной ценой.

Кроме того, очевидную ценность имеют и некоторые элементы материальной инфраструктуры, выходящие за рамки потребностей сырьевой периферийной экономики: мы имеем в самых различных регионах страны крупные города со всей необходимой для их функционирования транспортной, коммуникационной и бытовой инфраструктурой - города, способные разместить у себя, снабдив в необходимом количестве рабочей силой и коммунальными услугами, немалое количество современных производств.

Наконец, еще один немаловажный аспект. При всей противоречивости и социальной несправедливости процессов так называемого «первоначального накопления капитала», происходивших в стране в 1990-е годы, по крайней мере один его аспект имеет позитивное значение: в стране появился собственный, национальный крупный бизнес. В целом не оправдались высказывавшиеся опасения и даже вполне обоснованные страхи, что в процессе открытия экономики все командные позиции в реальном и финансовом секторах будут заняты крупными транснациональными корпорациями (а для типичной развивающейся страны с сопоставимыми с Россией характеристиками подобная ситуация является правилом), в то время как национальный частный бизнес будет представлен мелкими фирмами и фирмочками, не способными накапливать капитал и осуществлять сколько-нибудь значимые инвестиции. Предприятия с чисто российским или преобладающе российским капиталом и отечественными же управляющими сегодня доминируют в абсолютном большинстве важных сфер и осуществляют более 90% всех инвестиций в экономике. По данным меморандума Всемирного банка, на конец 2001 г. на долю 23 крупнейших российских финансово-промышленных групп приходилось более трети всего производимого ВВП, еще четверть - на долю предприятий с государственным контролем, а на иностранные компании приходилось лишь 5% российского валового продукта. В России во многом неожиданно для западных экспертов в очень короткие сроки поднялись и встали на ноги крупные компании, способные не только обеспечивать себе прочные позиции на внутреннем рынке, но и осуществлять в значительных масштабах собственную зарубежную экспансию. Примерами последней, в частности, переполнена экономическая хроника последних трех-четырёх лет. О чем это говорит? В первую очередь о том, что при всей справедливости претензий к российскому крупному предпринимательству, при всех его очевидных слабостях его потенциал превосходит ту роль в глобальной экономике, которую отводит России ее нынешнее положение мировой периферии, что объективно увеличивает шансы страны на осуществление определенного качественного скачка.

1.4. Некоторые итоги

Попробуем сделать некоторое обобщение того, что сказано. В принципе, по всем формальным показателям, если сопоставлять российскую экономику с развитыми капиталистическими странами, с одной стороны, и с относительно слабо развитой частью глобального хозяйства - с другой, можно прийти к выводу, что Россия - это типичный, можно сказать, классический вариант относительно индустриализированной экономики, располагающейся на периферии мирового капиталистического хозяйства. То есть представляет собой часть так называемого «развивающегося» (или, если пользоваться терминологией второй половины прошлого века, «третьего») мира, хотя и далеко не самую обездоленную его часть - часть, которую международные экономические организации классифицируют как «страны со средним уровнем дохода» («middle-income countries»).

Более того, все те пороки и изъяны укоренившейся в последние полтора десятилетия хозяйственной (и политической) системы, о которых мы говорили выше (и подробно анализировали в других наших работах), в той или иной степени характерны и для других стран, относящихся к этой же группе и имеющих сходные с Россией характеристики. И если в самой России подобные аналогии не особенно популярны, то, скажем, на Западе взгляд на Россию как на одну из ряда стран с относительно низким уровнем дохода, неэффективной хозяйственной и недемократической политической системой, является, пожалуй, преобладающим. Соответственно, те пороки, которыми сегодня страдает Россия, то есть: коррумпированность власти, колоссальные масштабы социального неравенства, бессилие и зависимость судебной машины, концентрация экономической и политической власти в руках узкой группы лиц с неоднозначной репутацией, огромная роль неформальных отношений в экономике и политике и т.д. - все это кажется многим и у нас, и в мире естественным и по-своему нормальным. (Есть даже получивший несколько скандальную известность обширный доклад, написанный бывшими экономическими советниками российского правительства А. Шляйфером и Д. Трайсманом, посвященный весьма неоднозначному состоянию российской политической и экономической системы, который так и называется - «Нормальная страна». Смысл доклада по сути сводится к вышеизложенному тезису: масштабы общественных пороков и экономической неэффективности в России не больше, а местами даже и меньше, чем у стран со схожим уровнем доходов, а значит - все, что в ней происходит, - это нормальный, естественный ход событий. А уж если кто-то ожидал от российского перехода от коммунизма к рынку чего-то большего - так незачем было предаваться иллюзиям. Россия никогда не была развитой страной, и подходить к ней с мерками таковой изначально было ошибочно.)

Однако Советский Союз на самом деле не был обычной страной со средним уровнем дохода. И дело не только и не столько в статусе военной сверхдержавы. Структура производства, структура экономически активного населения и его ментальность, экономическая и научно-техническая инфраструктура - все это было создано и поддерживалось с целью решения совсем иных, более масштабных задач, чем те же элементы в Аргентине, Бразилии или других странах, называемых в качестве «одноклассников» нынешней России. Они представляли собой попытку советских лидеров бросить вызов естественному ходу истории и, безусловно, не были обусловлены требованиями рынка (которого в Советском Союзе и не было), и в этом смысле можно понять, когда те же вышеупомянутые экономические советники легко списывают потерянное в ходе «реформ» производство как «лишнее и ненужное». Однако большинство людей не считали унаследованное Россией от советского времени материальное и техническое наследие (кстати, созданное ценой огромных усилий и жертв) ненужным и обременительным. Более того, не будет преувеличением сказать, что именно оно дает России шанс за счет более целесообразного и эффективного его использования в исторически разумные сроки построить экономику того же типа, которая поддерживает современные рыночные демократии, пусть и с более скромным уровнем жизни. Именно это могло стать для россиян объединяющей задачей, которая примирила бы их и с трудностями перехода, и с неизбежным ростом социального расслоения, и с ощущением потери военного могущества страны.

Именно в этом и заключался смысл программы, которая называлась «500 дней».

Когда же люди, оказавшиеся у власти в постсоветской России в 1992-1998 гг., вместе со своими советниками решили, что никакие задачи общенационального масштаба рыночной России не нужны; что в экономике должно остаться только то, что востребовано рынком в данный конкретный момент времени (а что могло быть им востребовано в условиях, когда 95% населения в течение нескольких месяцев лишилось всех сбережений, а 95% менеджеров не имели представления о том, кто является хозяином их предприятий или будет им), естественно, преобладающая часть экономических активов в стране оказалась непригодной к производительному использованию и была обречена на деградацию.

В качестве оправдания те же люди сегодня утверждают, что реально имевший место вариант развития событий был наилучшим из возможных, а единственной альтернативой ему был полный хаос и массовое кровопролитие. Однако истинность этого утверждения по меньшей мере спорна. Советский строй мог быть сколь угодно порочным с точки зрения эффективности экономики или демократичности политического устройства, но ему не были свойственны хаос и отсутствие контроля над ситуацией. Контроль правительства над социальными процессами и экономической деятельностью в стране был потерян позже, и не столько в силу сознательного желания руководства, сколько в силу некомпетентности и отсутствия у него политической воли. Огромные масштабы уклонения не только от налогообложения, но и от любого учета; утрата официальной судебной системой своей роли в регулировании общественной и

экономической жизни в пользу своего рода «неформальной» юстиции, фактическая приватизация правоохранительной системы и т.д. - все это было не следствием отсутствия исторического опыта или традиции (как в большинстве стран так называемого «третьего мира»), а результатом корыстного использования и усиления деградации механизмов государственного управления.

Сегодня все еще сохраняется (как долго?) ситуация своеобразного противоречия между застойной по своей сути хозяйственной системой и сопутствующей ей институциональной надстройкой, характерной для периферийного капитализма, и теми предпосылками для перехода в иное качественное состояние, которые пока еще сохраняет российская экономика. При этом в силу противоречия между двумя этими факторами их сосуществование не может продолжаться бесконечно долго. Уже в течение одного-полутора десятилетий конфликт между ними неизбежно разрешится в пользу одного из них: либо хозяйственно-политическая система начнет трансформироваться таким образом, чтобы дать возможность имеющимся предпосылкам для качественной модернизации экономики заработать в полную силу, либо имеющиеся предпосылки, будучи невостребованными, исчезнут и у России не останется никаких позитивных альтернатив. Однако на эту тему мы подробнее поговорим в третьем разделе этой книги, а до этого остановимся на тенденциях, характерных сегодня для мирового экономического хозяйства, и меняющемся характере присущей ему международной конкуренции.

2. Мировое хозяйство и особенности международной конкуренции

2.1. «Расколотый» мир

Современный мир, и это можно считать своего рода аксиомой, очень и очень неоднороден. Фактически он представляет собой совокупность обществ, весьма отличающихся друг от друга в самых разных отношениях, в том числе и по принципам организации тех или иных сфер общественной жизни. Конечно, природа человека как биологического вида едина, и некоторые базовые черты человеческой психологии, равно как и общественных отношений, достаточно жестко детерминированы и проявляются в любой человеческой общности, будь то население американского мегаполиса или патриархальная община на островах Полинезии. Но поле для различий в общественных отношениях или способах их организации необычайно велико.

Эти различия нельзя свести к исторической последовательности общественного развития. Ошибочно полагать, что все страны идут по одному и тому же пути, только находятся в разных его точках. И что через, условно говоря, сто или двести лет страны Африки или Ближнего Востока будут иметь социально-экономическое устройство, совпадающее с нынешней организацией жизни в Западной Европе или США.

Вообще, представление о некоем едином будущем для всех стран и народов - это величайшая выдумка XX века, которой, кстати говоря, грешили не только марксисты, но и их противники в холодной войне. На самом деле сегодня, в начале двадцать первого столетия, мир ничуть не более един и однороден, чем он был сто или двести лет назад, и не нужно быть большим пророком, чтобы с уверенностью предположить, что и еще через сто лет ситуация в этом отношении не изменится. Поэтому, кстати говоря, проблема выбора пути общественного развития для России по-прежнему остается актуальной и после краха советского социализма. Вопреки некоторым утверждениям и представлениям, вопрос о том, что будет представлять из себя общественное устройство страны, скажем, в 2050 г., по-прежнему остается открытым. Вариантов развития событий, по меньшей мере, несколько (если не сказать - множество), и реализация какого-то одного из них отнюдь не детерминирована существующими обстоятельствами, так что будущее может принести нам немало сюрпризов с точки зрения путей дальнейшей политической и экономической эволюции.

Современный мир неоднороден не только с точки зрения способа организации обществ и господствующих в них общественных ценностей и традиций. Он еще крайне неоднороден и с точки зрения распределения в нем богатства и благосостояния. Мир как был, так и остается поделенным на страны богатые и бедные, сильные и слабые, передовые и отсталые, причем степень их различий со временем нисколько не ослабевает.

Конечно, с общим ростом производственных возможностей некий базовый уровень удовлетворения потребностей поднимается, в том числе и в бедных странах, но разрыв между развитым и так называемым «развивающимся» миром не уменьшается. Более того, сам термин «развивающиеся», в свое время заменивший по соображениям политкорректности выражение «слаборазвитые страны», не отменяет того печального факта, что перейти в разряд развитых у них шансов не больше, чем у крестьянского мальчика из глухой деревни возглавить «Бритиш Петролеум» или, на худой конец, «Лукойл». Глобальный «расклад сил» за последние сто лет изменился незначительно, а, скажем, за последние тридцать лет мировой «клуб богатых» практически не пополнился. Если же мысленно составить список тех ныне «развивающихся» стран, которые имеют более или менее реальный шанс покинуть эту группу и войти в число развитых в ближайшие тридцать лет, то в этот список войдет, пожалуй, не более пяти-шести из ста с лишним «развивающихся» экономик. А для перечисления тех из них, кто сумеет этим шансом воспользоваться, хватит пальцев одной руки. Другими словами, слово «развивающиеся» в данном контексте верно только в том смысле, что ситуация в этих странах не статична и определенное развитие, в том числе в позитивном направлении, действительно есть. Однако предполагать, что его итогом станет переход этих стран в разряд развитых, было бы ошибкой. За редким исключением страны второго и третьего эшелонов в обозримом будущем, безусловно, сохранят свой нынешний статус, вечно оставаясь «развивающимся миром».

И дело здесь не в чьей-то злокозненности или каком-то всемирном мировом заговоре богатых против бедных. Просто есть объективные закономерности, о которых мы подробнее скажем ниже, имеющие своим результатом любопытное явление, а именно: тот факт, что преодоление разрыва, отделяющего страны, отставшие в экономическом развитии, от группы самых богатых в данный исторический момент государств и экономик, со временем становится все более труднодостижимой и потому маловероятной задачей. Это не означает, что такого рода исторический рывок для отдельно взятой страны невозможен вообще, но, во-первых, такая возможность существует только в виде единичного случая, а не массового явления (то есть в виде исключения, а не правила), а во-вторых, даже в качестве такого единичного явления она становится все менее вероятной.

Действительно, еще лет двести назад возможность национальных хозяйств конкурировать между собой за лучшее «место под солнцем» была более или менее реальной, а результат ее не был жестко детерминирован. Другими словами, при разумном устройстве экономической жизни в отдельно взятой стране за счет усердия, труда, таланта и образования ее населения можно было существенно изменить место страны на всемирной шкале богатства и экономической мощи. Значительную роль, правда, в то время играли и природные факторы - благоприятные природно-климатические условия и стабильный доступ к природным ресурсам (который, кстати, в

условиях отсутствия развитого мирового рынка сырья обеспечивался преимущественно методами военно-административного контроля) были в то время важным и необходимым условием успешного экономического роста. Одновременно исходный уровень (то, что называется *past record*) вовсе не был основным фактором, почти всецело определяющим исход конкурентной борьбы для той или иной конкретной страны. Те же Соединенные Штаты, многие менее развитые страны Старого Света, Австралия - все это яркие примеры того, что исходное состояние бедности в период раннего капитализма не препятствовало ускоренному развитию и подъему среднего уровня потребления и производства до очень высокого для данной эпохи уровня. Правда, и разрыв между абсолютной бедностью и относительным процветанием нации в те времена, надо заметить, был невелик - особенно если рассматривать его с сегодняшних позиций. Другими словами, если сравнить процесс всемирного экономического развития с велогонкой, то двести лет назад, во-первых, все гонщики шли, по сути, одной большой группой, где первые лишь ненамного оторвались от последних; а во-вторых, велосипеды у всех были (более или менее) одинаково примитивны и несовершенны, и достаточно было лишь немного улучшить их конструкцию или даже просто начать более энергично крутить педали, чтобы существенно улучшить свою позицию в этой гонке.

К концу XX века ситуация уже очень существенно отличалась от вышеописанной. Если продолжить сравнение с велогонкой, то группа лидеров ушла далеко вперед. При этом конструкция велосипедов, на которых ведут гонку лидеры, претерпела настолько существенные изменения, что даже небольшое усилие позволяет им развивать скорость, недоступную для тех, кто продолжает ехать на тех же машинах, что и двести лет назад. Эти устройства уже являются мотоциклами. В усовершенствование их конструкции уже вложено столько сил и времени, что у отставших нет никаких шансов обзавестись столь же мощной машиной за счет своих собственных средств и усилий. Для того, чтобы кто-то из уже отставших гонщиков вырвался в передовую группу, необходимо, помимо громадных усилий с его стороны, еще и сочетание неких абсолютно особых обстоятельств, при которых становится возможным исключение из общего правила, действующего в стандартных условиях с железной закономерностью.

2.2. Изменение характера международной конкуренции и закрепление существующих разрывов

С чем связано такое изменение ситуации в мировом хозяйстве? На самом деле факторов, обусловивших такие перемены, множество. На эту тему уже написано немало работ, еще больше высказано наблюдений и гипотез. Если же, однако, попытаться коротко обобщить суть произошедшей трансформации, то самым важным и обобщающим моментом является то, что относительная значимость простого труда и природных ресурсов, - а это именно те виды экономических ресурсов, которыми так называемый развивающийся мир наделен не в меньшей, а скорее даже в большей степени, чем мир развитый, - стремительно уменьшается. Есть немало очевидных косвенных доказательств того, что значимость иных, более сложных и в историческом плане новых факторов экономической деятельности последовательно и постоянно увеличивается.

Одним таким доказательством служит то, что в стоимости массово производимой и потребляемой продукции увеличивается доля затрат, не связанных непосредственно с производством данной конкретной единицы товара или услуги. Даже сравнительно простые из них обязательно содержат в своей цене компенсацию затрат на разработку и создание самих этих продуктов как новых объектов рынка (а доля продуктов, сама идея которых появилась в течение нескольких последних десятилетий, растет буквально на глазах), затрат на разработку используемых при этом новых материалов, новых технологий, новых видов оборудования и т.д. Частью компенсация всех перечисленных затрат имеет скрытый характер (если она просто заложена в цены используемых при производстве данного продукта промежуточных продуктов - тех же материалов, амортизации оборудования и т.п.). Частью же (причем в возрастающей степени) она принимает и явный характер, то есть форму выплат владельцам интеллектуальной собственности в виде разного рода лицензионных отчислений.

Например, в цену любого товара или услуги, при производстве которых используется компьютерная техника (а это уже сегодня - добрая половина всей производимой в мире продукции), включена плата владельцам прав на используемое программное обеспечение. Все или почти все производители в возрастающей степени пользуются все более сложными и многообразными услугами связи (сравните сферу телекоммуникаций сегодня и, скажем, сорок лет назад) - а значит, оплачивают сами и, соответственно, включают в цену своей продукции выплаты владельцам прав на используемые при этом коммуникационные технологии.

Далее. Практически любое современное производство даже за пределами развитого мира осуществляется главным образом на заемные средства - а значит, в цене продукции «сидит» процент по привлеченным кредитам или выплаты по эмитированным ценным бумагам и т.п., в которых содержится не только доход собственно владельцев привлекаемого капитала, но и огромные суммы затрат на содержание инфраструктуры финансовых рынков с обслуживающим его юридическим аппаратом. Новое для людей старшего поколения слово «маркетинг» подразумевает, что в цену продукции закладываются затраты на содержание разного рода служб изучения рынка и выплаты владельцам прав на соответствующую информацию и используемые для ее обработки интеллектуальные технологии.

Наконец, есть и такое самое явное проявление снижения удельного веса традиционных «простых» экономических ресурсов в общем производстве, как громадный и превосходящий даже самые смелые прогнозы рост затрат на рекламу. Причем в составе самих этих затрат расходы на информирование потенциального потребителя о технике приобретения и потребления продукта занимают лишь незначительную долю. Основная доля расходов приходится на так называемую «имиджевую» или близкую к ней по смыслу рекламу - то есть на формирование у потребителя потребности (реальной или воображаемой) в приобретении продукта определенного производителя или продавца. Другими словами, в растущей степени продается и, соответственно, оплачивается потребителем не столько реальный продукт, сколько его виртуальная составляющая - «имидж», доход от продажи которого через права на рекламируемые торговые марки - «бренды» - поступает владельцам этой специфической интеллектуальной собственности.

Если мы теперь мысленно суммируем все вышеперечисленные компоненты цены, превышающие рыночный уровень компенсации за простые традиционные факторы производства, то мы ясно увидим, что они постепенно начинают преобладать и в стоимости общественного продукта, и, соответственно, в картине распределения доходов от его реализации. Это, в свою очередь, означает, что и суть, и движущие силы экономического роста по сравнению с эпохой, когда формировалась классическая экономическая теория, изменились до неузнаваемости.

Конечно, еще и сейчас во всем мире производятся и потребляются товары, лишенные или почти полностью лишенные всех названных составляющих. Потребители молока с фермерского хозяйства где-нибудь в Африке ничего не платят ни владельцам прав на мировые торговые «бренды», ни разработчикам телекоммуникационных технологий. Покупатели самодельных валенок в российской глубинке явно не кормят своим рублем владельцев какой бы то ни было интеллектуальной собственности, так же как и туристы, отдающие кровные доллары за сувенирные поделки в американской глубинке. Но общая тенденция к повсеместному увеличению доли доходов от

интеллектуальных факторов производства абсолютно очевидна.

Каждый, кто живет в развитой части мира, уже сегодня повсеместно и ежечасно платит не просто за труд своего ближнего или за пользование принадлежащими другим людям природными и финансовыми ресурсами, но и за то, что в той или иной форме пользуется услугами созданных ранее интеллектуальных продуктов - реальных (технологии) или воображаемых (имиджевые торговые марки), - находящихся сегодня в собственности конкретных людей или организаций. Но это явление не ограничивается только развитым миром. В более бедных странах потребление (в той мере, в которой там наличествуют потребители с уровнем дохода, превышающим необходимый для выживания физический минимум) также вовлекается в орбиту повышения интеллектуально-технической и виртуально-имиджевой составляющих. Всемирные масштабы антиглобалистских движений и соответствующих умонастроений - не случайность, а отражение того факта, что «Кока-Кола» и Голливуд, «Макдоналдз», «Дженерал Моторз» и «Майкрософт» с помощью рекламы и технологий превращают любой рост потребления в любой точке земли в источник своего рода рентного дохода на свои неосязаемые активы - собственность на торговые марки и такие трудноопределимые ценности, как устойчивые связи, известность партнерам и потребителям, инерция делового поведения и прочие не поддающиеся строгому измерению материи.

Впрочем, конкретные названия и имена в данном контексте не имеют значения и приведены только для примера. Важно другое - изменения в структуре факторов производства и структуре потребления, охарактеризованные выше, самым существенным образом изменили соотношение сил между их собственниками, что, в свою очередь, резко изменило характер и возможности конкуренции, в том числе международной, и более того, сделало абсолютно неадекватными многие господствовавшие ранее представления о механизмах долгосрочного экономического роста и, соответственно, о вероятном будущем целых стран и регионов.

В чем состоят эти изменения?

Во-первых, резко уменьшилось значение сырьедобычи в мировой экономике. Безусловно, контроль за источниками наиболее важных для мирового хозяйства видов сырья и энергоносителей и сегодня остается важным элементом экономической игры, и последние годы, кстати, показывают по меньшей мере преждевременность утверждений об обратном. Однако в более длительной исторической перспективе снижение значимости этого фактора очевидно.

С одной стороны, никто не в состоянии отрицать, что относительная значимость природного сырья в стоимости производимой продукции за последнее столетие снизилась многократно, и нет никаких признаков прекращения этого процесса. С другой стороны, отчасти в связи с этим, а отчасти и в силу иных причин, уходит такой фактор, как дефицитность сырья, - практически по всем его видам сложились развитые мировые рынки с достаточно большим количеством продавцов и встроенными механизмами увеличения предложения тех его видов, спрос на которые повышается, или взаимозаменяемых с ними. Попытки же поставщиков сырья посредством неэкономических форм регулирования или давления на рынок повысить свою значимость и, соответственно, получаемые доходы имели в последние десятилетия лишь ограниченный успех. В результате роль поставщиков сырья - как отдельных сырьедобывающих компаний, так и целых стран-сырьепроизводителей - неумолимо снижается, а их доля в мировой экономике в качестве тенденции сокращается сегодня и будет продолжать сокращаться и завтра.

Во-вторых, существенно снизилась роль ценовой конкуренции. Как известно, ценовое преимущество является единственным или главным фактором конкурентоспособности на рынках однородных товаров с простыми характеристиками и устоявшимися способами их использования.

Диверсификация продуктов и рынков; появление множественных, в том числе сложных характеристик продукции; рост «имиджевого» потребления и соответствующего ему спроса приводят к тому, что эластичность спроса на продукт как функции от цены резко снижается. В известных пределах цена перестает быть главным аргументом в процессе реализации продукции потребителю, который приобретает уже не просто товар или услугу, удовлетворяющие простую и легко формулируемую потребность, а индивидуализированную продукцию, обладающую определенным уровнем качества и «имиджевой» нагрузки. Это является заметным уже не только и не столько в секторе элитного и престижного потребления, где, как известно, обычно покупается не просто автомобиль и не просто хороший автомобиль (часы, костюм, номер в гостинице и т.п.), а конкретная марка, удовлетворяющая представлениям потребителя о своем образе и месте в обществе. Однако и в сегменте массового, или даже, как выражаются специалисты, «малобюджетного» потребителя цена перестает быть единственным фактором конкурентоспособности - чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на эволюцию рекламы, которая в возрастающей степени определяет поведение уже не только «высокодоходного», но и массового потребителя, т.е. потребителя со средним и низким доходом.

Выражаясь проще, сказанное можно сформулировать и следующим образом: удешевление продукции перестает быть не только единственным, но даже и главным методом конкурентной борьбы. При том, что каждый вид продукции имеет несколько ценовых сегментов, образующих различные рынки, в рамках каждого из этих ценовых сегментов (за исключением, может быть, самого нижнего) победа над конкурентами обеспечивается не столько экономией на издержках, сколько продуманным сочетанием потребительских качеств, удачной рекламной кампанией, формированием психологической зависимости потребителя от определенного набора товарных «брендов» и символов и т.п.

В-третьих (и в значительной степени это является производным от первых двух названных моментов), изменяется и соотношение между различными источниками доходов и богатства. Если двести лет назад главным из них был контроль над природными и накопленными финансовыми ресурсами (вспомним Англию с ее обширными заморскими колониями и легендарным лондонским Сити), то сегодня на это место в возрастающей степени выдвигается собственность на накопленные интеллектуальные и вообще нематериальные активы - находящиеся в собственности крупных корпораций результаты научно-технических разработок, контроль над финансовой и торговой инфраструктурой, глобальные производственные и торговые сети, аппарат продвижения продукции на массовые рынки, раскрученные торговые марки и т.п. Вложения, сделанные в прошлом в создание и накопление этих активов, обеспечивают сегодня владельцам этих активов доходность, несопоставимую с доходностью инвестиций в собственно производственную базу. Более того, и сегодня вложения мировых корпораций в поддержание популярности известных мировых «брендов» и создание под них новых (либо расширение старых) производственных и торговых систем дают несравнимо более высокую отдачу, нежели громадные и не всегда обеспечивающие адекватную окупаемость долгосрочные вложения в освоение месторождений нефти и иных природных ресурсов. Такая же ситуация - увя - и с разработкой и производством качественных, технологически продвинутых и дешевых товаров, если это не обеспечено маркетинговой и «имиджевой» поддержкой.

В той или иной форме этот процесс пытаются отразить многие современные авторы, осмысляющие эволюцию капитализма. Для примера можно привести получившие большую прессу работы известных экономистов Стокгольмской школы экономики Й. Риддерстрале и К. Нордстрема. В недавно вышедшей книге «Караоке-капитализм» они делают недвусмысленный вывод: «Власть сегодня переходит от владельцев финансов к тем, кто контролирует интеллектуальный капитал». Соответственно, те компании, которые хотят оставаться или

стать успешными, по мысли авторов, должны активно создавать новых потребителей, а не продолжать делать вид, что капитал и дешевая рабочая сила все еще наиболее важные факторы.

Все это очень существенно меняет картину в мировой экономике, а точнее - во взаимоотношениях между развитыми странами и менее удачливой частью мира. Очевидно, что не просто углубляется, а очень прочно закрепляется уже возникший разрыв между двумя группами.

Изменение характера конкуренции, отмеченное нами выше, то есть падение в нем относительной значимости ценовой компоненты, в первую очередь означает, что единственное преимущество, которым обладают бедные страны - низкая стоимость рабочей силы (и во многих случаях - природных ресурсов), утрачивает свою значимость. Предсказывавшееся многими в свое время массовое закрытие трудоемких производств в странах с высоким уровнем жизни в связи с переносом их в наиболее бедные страны и регионы произошло лишь в ограниченных масштабах, имея в виду главным образом Китай. Ведь совсем не случайно, что, несмотря на общую либерализацию международных товарных и капитальных потоков, развивающийся мир во второй половине прошлого столетия так и не стал огромным производственным цехом для транснациональных корпораций, не говоря уже о деятельности собственного предпринимательского капитала этих стран. В условиях, когда даже существенное снижение производственных издержек не гарантирует перевеса в конкуренции за потребителя, более ориентированного на качество и престижность потребления, нежели его количество, стимулы к переносу производства в бедные страны со всеми сопутствующими этому процессу рисками и проблемами оказались очень и очень слабыми. Ни дешевый труд, ни относительная дешевизна природных ресурсов не дали и не дают развивающимся странам достаточных преимуществ, чтобы сколько-нибудь существенно сместить в их сторону основной вес глобального производства и тем самым способствовать подтягиванию их до уровня более развитых и благополучных экономик.

Можно привести такой пример. В связи с расширением Евросоюза за счет более бедных (по сравнению с Западной) стран Восточной и Южной Европы многие политики в «старой» части Евросоюза опасались, что сопутствующее расширению союза снятие барьеров приведет к неконтролируемому переносу многих производств и рабочих мест в «новые» страны с более низким уровнем доходов и более щадящим налогообложением. Однако этот процесс не принял и, скорее всего, никогда не примет массового и тем более угрожающего характера. Причины этого достаточно четко и откровенно сформулировал в интервью журналу «Эксперт» комиссар Евросоюза по торговле П. Лами: «Несколько компаний хотят перевести производство из Германии в Эстонию, однако когда они увидят, что они имеют здесь в плане социальной инфраструктуры, системы здравоохранения, образования и прочего, и сравнят это с тем, что они выгадают, то, думаю, энтузиазма у них поубавится». А ведь на примере Эстонии речь ведется о наиболее благополучных и наиболее близких к развитой Европе по социальным параметрам странах. Что же говорить о государствах, которых отделяет от Западной Европы дистанция гораздо больших размеров. Естественно, что ни о какой автоматической интеграции их в современные глобальные производственные системы только на основании фактора дешевизны трудовых ресурсов не стоит и говорить.

Возрастание роли интеллектуальных и вообще нематериальных активов в формировании общественного продукта приводит к тому, что развитые страны оказываются наделены своего рода исторической рентой, связанной с тем, что собственность на все эти активы концентрировалась и, главное, продолжает концентрироваться у крупнейших транснациональных корпораций, происхождение и основная деятельность которых связаны именно с развитой частью мира. Именно сюда стекаются доходы, которые приходятся на долю таких факторов, как инновационные технические разработки и решения, новые маркетинговые ходы, рекламные кампании, привязывающие потребителя к определенным психологическим, художественным и даже историко-географическим (парфюмерия - французская, пиво - немецкое, торговое право - английское и т.п.) символам. Возникшая таким образом историческая рента по своему размеру уже сегодня не уступает так называемой природной ренте, связанной с обладанием определенными сырьевыми ресурсами, а в будущем, несомненно, будет ее превосходить.

Особое свойство такого рода исторической и интеллектуальной ренты (в отличие от ренты природной) заключается в том, что она со временем не исчерпывается (как исчерпываются запасы невозобновляемых природных ресурсов), а лишь увеличивается за счет использования части доходов от нее для увеличения или формирования новых подобных активов. Рано или поздно, а скорее всего - в течение весьма непродолжительного по историческим меркам отрезка времени, закончатся запасы нефти и газа, золота и платины, медных и никелевых руд. «Неисчерпаемые кладовые» будут все-таки исчерпаны, а «несметные природные богатства» разойдутся маленькими кусочками по всему миру и утратят свое значение в условиях, когда любой их элемент можно заменить каким-то иным природным или искусственным аналогом. Зато историческая рента, связанная с владением и распоряжением нематериальными ресурсами, в этих условиях будет только возрастать.

Нельзя забывать и о другом важном моменте: в отличие от конкуренции внутри отдельно взятой экономики, конкуренция между экономиками отдельных стран происходит в условиях, когда отсутствуют институты, стоящие над всеми участниками конкурентной борьбы и способные ограничивать и корректировать их действия в неких общих интересах, как это способно делать государство в рамках отдельной страны. В результате в мировой экономике роль силы - экономической, политической и даже военной - является сегодня очень существенной, да и в обозримом будущем, судя по всему, будет оставаться важнейшим моментом, необходимым для понимания логики событий. Было бы наивно рассчитывать на то, что правила игры в международных экономических отношениях в ближайшие десятилетия будут благоприятны для слабых и бедных, ущемляя чувствительные интересы богатых и сильных.

2.3. Будущее глобальной экономики

При всей условности политико-экономических прогнозов общую картину можно представить и предсказать на ближайшее будущее с достаточно высокой степенью вероятности.

О мировой экономике через несколько десятилетий можно, совершенно не рискуя репутацией, сказать следующее.

Общий уровень жизни практически повсеместно возрастет, но масштабы и темпы этого повышения будут не настолько велики, чтобы оправдать надежды социальных оптимистов. При этом повышение уровня доходов по отдельным странам и группам стран будет в целом пропорциональным, в результате чего разрыв в уровнях доходов беднейшей части человечества и его «золотого миллиарда» с неизбежностью увеличится. Технологическое отставание мирового «среднего класса», то есть наиболее развитых из числа развивающихся стран, от группы лидеров уменьшится в силу общего повышения уровня технологической насыщенности производства и потребления, однако рыночная стоимость экономических активов на душу населения в развитых странах с неизбежностью будет расти быстрее, прежде всего в результате относительно более быстрого роста оценки их нематериальной составляющей. Доля последней в развитых экономиках

будет относительно более высокой и постоянно растущей. Увеличение экономического веса развитых стран в мировой экономике будет облегчать и стимулировать процесс повышения сравнительной величины рыночной оценки вклада нематериальных факторов, что одновременно будет уменьшать возможности развивающихся стран аккумулировать средства для инвестиций и улучшения качества собственных факторов производства.

Другими словами, практически неизбежным становится закрепление на достаточно длительный исторический срок разделения мира на своеобразную «мировую деревню» и «мировой город» со всеми сопутствующими такому разделению проблемами и противоречиями. Сегодня эти понятия лишены первоначального смысла (привязка к сельскому хозяйству и земле в противоположность торгово-промышленной деятельности). Смысл понятий «мировая деревня» и «мировой город» в данном контексте сводится к наличию разрыва в наделенности наиболее ценными (с точки зрения рыночной оценки) производственными факторами, как это имеет место и в случае с деревней и городом в обычном понимании. Если деревня символизирует ориентацию на традиционные, простые и в основном природно обусловленные факторы производства, то город - огромные возможности, связанные с использованием все более сложных и все менее материальных факторов, способных радикально менять в свою пользу распределение результатов производственной деятельности.

Соответственно, подобно тому, как выравнивание экономических условий между городом и деревней в рамках отдельной экономики требует известной коррекции стихийного действия стандартных рыночных механизмов (отдельные примеры «от противного» не в счет), так и в мировом хозяйстве попытка положиться исключительно на стихийные механизмы в качестве общего правила будет вести к закреплению функциональных ролей и усилению сравнительных преимуществ экономически более сильных участников отношений.

Конечно же, не следует представлять себе картину примитивно, в духе всякого рода геополитических схем, рисуемых представителями соответствующего направления, твердящих о стремлении Запада и США «поработить» и «поставить себе на службу» весь остальной мир. Во-первых, число людей, мыслящих подобными категориями, вообще уменьшается по мере развития и усложнения обществ, а среди групп, обладающих реальной властью и возможностью принимать общественно значимые государственные решения, такого рода логика давно уже не играет доминирующей роли. А во-вторых, в новом столетии роль национальных государств в мировой экономике вообще будет уменьшаться в пользу ограниченного числа многонациональных и транснациональных структур, в первую очередь крупнейших транснациональных корпораций, для которых всякого рода геополитические игры - не более чем рудимент прошлого и зачастую досадная помеха для бизнеса. Однако объективно ведущие субъекты мировой экономики и в будущем будут тесно привязаны к нынешней сравнительно более богатой и благополучной части мирового сообщества, и никаких существенных стимулов искусственно менять сложившиеся пропорции и структуру у них не будет. И если отвлечься от разного рода международных программ гуманитарной и продовольственной помощи, задача преодоления бедности и отсталости будет оставаться заботой и проблемой самих стран, страдающих от этих явлений, причем шансов на успешное решение этой задачи в обозримом будущем будет во всяком случае не больше, чем сейчас.

3. Есть ли шанс у России?

В этой части я бы хотел изложить свои представления о том, что же ждет или, точнее, может ждать Россию через 25-30 лет с учетом характеристик сложившейся в ней экономической и политической системы. Оговорюсь заранее: в целом ситуация представляется мне очень и очень тяжелой, и, откровенно говоря, мне трудно понять, на чем основан оптимизм тех, кто утверждает, что при всех трудностях общий вектор движения выбран правильно и Россия якобы уже встала на путь своего становления как современной экономической державы. Никаких признаков реального начала модернизации общества в том виде, в каком ее диктуют объективные условия и вызовы нового столетия, я пока, признаться, не вижу. Рано или поздно тупиковость нынешней модели российского капитализма станет настолько очевидной, что заставит политическую элиту российского общества предпринять действенные шаги по ее преодолению. Пока же мы вынуждены ограничиваться констатацией фактов и тенденций, подтверждающих этот главный вывод.

3.1. Статус-кво как невозможный вариант

Итак, из всего, что было сказано в первом разделе этой книги, явствует, что Россия вступила в новое столетие с экономикой, характеризующейся сравнительно низким (относительно группы развитых стран) уровнем производительности и доходов населения; с экономикой, в очень существенной степени «завязанной» на добычу (и, в лучшем случае, первичную переработку) сырья и выполняющей роль периферийного звена мирового капиталистического хозяйства. Все остальные так называемые «точки роста» либо не оправдали возлагавшихся на них надежд, либо пока не могут обеспечить сколько-нибудь заметные объемы производства, экспорта и занятости.

Отказ от советской модели управления экономикой, в которой не было места для действия рыночных сил и механизмов, вопреки надеждам на взрывной рост производительности и скорый экономический прорыв, почти не сказался на эффективности обрабатывающей промышленности и даже ухудшил ее положение вследствие относительного удорожания сырья и топлива. Чуда не произошло - половинчатые и во многом сомнительные политические преобразования сами по себе не могли изменить объективные экономические ограничители. Сочетание общеэкономического отставания страны от центров мирового хозяйства, с одной стороны, и наличие крупной сырьедобывающей базы, о чем мы говорили в первом разделе, - с другой, с неизбежностью привели к тому, что основная часть предпринимательской энергии, высвобожденной крушением плановой экономики, как и следовало ожидать, была обращена на установление контроля за сырьедобывающим сектором и активное его использование в целях скорейшего обогащения. Именно этот сектор стал центром столкновения наиболее мощных интересов и, соответственно, наиболее скандальных примеров коррупции и фантастического обогащения отдельных лиц, и именно он стал центром генерирования самых крупных финансовых потоков в постсоветской экономике. Те, кому удавалось хотя бы ненадолго установить свой контроль над наиболее ценными сегментами этого сектора, в целях скорейшего обогащения использовали различные методы и, как они их называли, «бизнес-технологии» - от откачки ресурсов из предприятий этого сектора до их быстрой капитализации и перепродажи, но главное содержание деятельности по их хозяйственному «освоению» так или иначе сводилось к получению максимального личного дохода в пределах сравнительно узкого временного горизонта при минимуме вложений. При этом обрабатывающая промышленность, в том числе и ее сравнительно передовые

на тот момент производства, не получили и десятой доли того внимания и тех ресурсов, которые были задействованы для налаживания процесса извлечения прибыли из сырьевого сектора и его производных.

Так или иначе, структурный перекос экономики в сторону сырьедобывающего сектора, о котором мы много говорили выше, породил именно тот тип капитализма, который наиболее органично соответствует роли этого сектора в мировой экономике, а именно - капитализм застойного, периферийного типа; капитализм, лишенный стимулов и механизмов для опережающего или даже догоняющего развития.

Другими словами, страна вновь оказалась в своего рода исторической ловушке. Отставание от группы наиболее развитых экономик объективно обуславливает малую эффективность экономики в целом, а значит - в краткосрочном аспекте делает добычу и экспорт сырья наиболее эффективными и прибыльными видами деятельности, что, в свою очередь, обуславливает концентрацию ресурсов именно в этом секторе и тем самым консервирует и усугубляет отсталую структуру экономики. Кроме того, естественным следствием такого рода ситуации является хронический отток капитала и интеллекта из страны (те их части, которые превышают потребности, предъявляемые механизмом обслуживания высокорентабельной эксплуатации природных ресурсов, оказываются невостребованными и уходят в более развитые зоны мирового хозяйства), а также высокий уровень коррупции, неизбежно сопровождающий дележ ограниченного сырьевого «пирога» (доступа к эксплуатации природных ресурсов) между различными предпринимательскими и административными группами, располагающими крупными деньгами, властью и влиянием. Страна оказывается оттесненной на глубокую периферию современного глобального капитализма и вынуждена довольствоваться в нем преимущественно низкодоходными и малоперспективными нишами. (Кстати говоря, высокие цены на нефть, характерные для последних лет, отнюдь не отменяют справедливости утверждения о низкой доходности этой ниши - хотя бы потому, что доходы от экспорта нефти, которая, безусловно, является национальным достоянием, а не собственностью отдельных лиц, необходимо оценивать в расчете на каждого жителя страны, а не на узкий круг лиц, непосредственно осуществляющих ее добычу и продажу.) Соответственно, будучи мало или вообще никак не представленной в наиболее быстрорастущих и ведущих к возникновению интеллектуальной ренты секторах, такая экономика по сути лишается возможности когда бы то ни было преодолеть экономический, а следовательно, и социальный разрыв, отделяющий ее от центров современного мирового капитализма.

Разумеется, само по себе это еще не катастрофа. Сегодня, как это мы все можем видеть на примере окружающей нас действительности, такая экономика оказывается в состоянии худо-бедно, но все же обеспечивать существование страны и ее населения и даже порождать определенный рост потребления, и в некоторых секторах - рост достаточно впечатляющий. Это не может не порождать в политической и деловой элите страны, которая является главным бенефициаром такого роста, иллюзию движения страны к процветанию. В периоды же улучшения внешней конъюнктуры, то есть заметного повышения мировых относительных цен на сырье и топливо (что мы и имеем с 2002 года и, вполне возможно, будем иметь в обозримом будущем), ощущение того, что все идет в целом неплохо, становится более выраженным и охватывает не только верхушку общества, но и большую часть средних слоев общественно-экономической пирамиды. Более того, в такие периоды даже профессиональные международные экономические организации, следящие за состоянием различных частей мировой экономики, начинают выдавать в отношении перспектив роста экономики подобного типа весьма оптимистические заключения, обнадеживающие как простую публику, так и профессиональных инвесторов, которые в результате начинают увеличивать свои вложения в различного рода финансовые инструменты, эмитируемые в таких экономиках. (В конце концов, профессионалы - тоже люди, со всеми присущими им слабостями, и надежда заработать быстрые деньги сплошь и рядом пересиливает здравый смысл и трезвый расчет).

И все же цена такого рода позитивным оценкам и даже действиям весьма и весьма невелика, поскольку речь идет о краткосрочных моментах, которые не имеют ничего общего с долгосрочным трендом устойчивого роста. Даже представители экономического блока российского правительства, которым по долгу службы положено излучать оптимизм и гордиться успехами, на фоне действительно неплохих показателей 2002-2005 гг. весьма осторожно оценивают перспективы экономического роста России на более длительную перспективу. Они, без сомнения, понимают, что наблюдавшиеся в этот период относительные успехи не содержат в себе элементов качественных преобразований, поскольку российский экономический рост является ростом без развития и не имеет своим следствием изменение структурных характеристик экономики в направлении образцов, характерных для развитых стран.

Более того, структурные характеристики в некоторых случаях стали негативными с точки зрения долгосрочных условий развития. Так, под влиянием ценовых, да и не только ценовых факторов доля экспорта, приходящаяся на альтернативные сырьевые сегменты, несколько уменьшилась, а международная конкурентоспособность соответствующих сегментов российской экономики - ухудшилась. На некоторых рынках при общем их расширении произошел заметный сдвиг в сторону вытеснения продукции собственных компаний импортом готовых изделий, причем в немалой степени это происходило на фоне наличия у отечественных производителей очевидных естественных преимуществ. И даже в тех случаях, когда собственное производство росло, оно оказывалось не способным удовлетворить рост и диверсификацию спроса на соответствующую продукцию ни в количественном, ни в качественном аспектах. В результате на фоне быстрого роста внутреннего спроса доля рынка современной несырьевой продукции снижалась и, более того, концентрировалась в малодинамичных и низкоприбыльных его секторах и сегментах. Что еще хуже, макроэкономические затраты на цели формирования будущих экономических ресурсов в виде расходов на массовое здравоохранение, качественное образование, НИОКР, современную транспортную инфраструктуру и т.п., измеренные в пропорции к ВВП, очевидно сократились. Не произошло и сколько-нибудь заметного улучшения предпринимательского и инвестиционного климата в стране в значительной степени в результате непродуманных и близоруких действий представителей различных органов и ветвей самой государственной власти.

Другими словами, это был (и есть) рост, не сопровождающийся модернизацией страны, своего рода рост без развития, который сопровождается некоторым увеличением доходов, но не дает никаких оснований для исторического оптимизма. На самом деле совершенно не удивителен и кажущийся на первый взгляд необъяснимым факт, что на фоне роста доходов, а в ряде сегментов - и настоящего потребительского бума доля людей, которые в ходе социологических опросов соглашались с утверждением, что в целом страна движется в правильном направлении, за эти годы не увеличилась, а уменьшилась. Ощущение временности, случайности вроде бы очевидных экономических успехов присутствует, часто в неосознанном виде, у большинства участников хозяйственного процесса, в том числе и у тех, кто оказывается в результате этих успехов в несомненном выигрыше.

Действительно, ситуация кажется парадоксальной. Доходы в 2002-2005 гг. действительно росли достаточно быстро - это доказывается не только статистикой (любая статистика условна, когда речь идет об агрегатных стоимостных показателях), но и реальным ростом продаж практически на всех потребительских рынках. Общие условия жизни, во всяком случае, не ухудшились, да и социальное расслоение общества в эти годы существенным образом не увеличилось. И все-таки даже социологические опросы показывают, что ощущение того, что все идет как-то не так, чувство тревоги и неуверенности по большому счету усилилось. Частично, конечно, здесь присутствует эффект несбывшихся политических ожиданий. Но в основе, рискну утверждать, все-таки лежит другое, а именно: присущее большинству активных людей в стране, пусть часто и на интуитивном уровне, ощущение того, что в нынешнем виде и на нынешнем своем месте в мире российская экономика не способна обеспечить выживание страны в долгосрочной перспективе. При этом, употребляя выражение «в долгосрочной перспективе», я имею в виду не столетия, а гораздо более близкую перспективу, укладывающуюся в рамки жизненного

горизонта трудоспособного человека и большинства экономических субъектов.

Этот тезис, в справедливости которого я убежден, конечно, нуждается в более подробном обосновании, и я постараюсь его здесь привести.

Когда говорят о том, что бедность - это не катастрофа; что нет ничего страшного в том, чтобы потратить несколько десятилетий на формирование условий для современного гражданского общества; что большинство стран - экономических лидеров современного мира в свое время переживали в своей истории сходные периоды, и это не помешало им в конце концов стать тем, чем они сегодня являются, есть немало оснований усомниться в применимости этих утверждений к нашему конкретному случаю.

Да, нынешняя ситуация в России с точки зрения социально-экономических условий жизни, характера хозяйственной и политической системы и т.д., безусловно, не является уникальной. В истории США, Японии, других стран, которые у нас сегодня принято называть «цивилизованными», было немало примеров тех же пороков и изъянов, которые мешали их полноценному развитию, причем иногда даже в более явных и тяжелых формах, чем в нынешней России. Примеров тому - множество, они широко описаны в литературе.

Однако при этом нельзя забывать следующее. Во-первых, коррупция и отсутствие эффективной позитивной экономической политики в свое время не помешали экономическому и социальному прогрессу в США и Западной Европе только потому, что они объективно были наиболее развитой в экономическом отношении частью мира. Именно поэтому, несмотря на огромные потери в эффективности, связанные с этими пороками и дефектами, имевшиеся ресурсы продолжали использоваться и работать на развитие именно этих, а не других стран и территорий. Да, их ресурсы недоиспользовались, использовались неэффективным образом, ставились на службу несправедливым целям, но не вывозились из этих стран в неизвестном направлении, а доходы, возникавшие в результате их пусть не самого лучшего применения, все равно служили воспроизводству и развитию национального предпринимательского класса, причем в условиях никогда не исчезавшей интенсивной внутренней конкуренции, которая не могла сохранять в течение длительного времени застойной тупиковой ситуации.

Мы же сегодня находимся в принципиально ином положении: мы являемся частью глобальной экономической системы, в которой и сами экономические ресурсы, и доходы от их использования сравнительно легко перемещаются и используются с максимальной пользой для тех, кто располагает наибольшими экономическими и политическими возможностями. Капитал и интеллект превращаются в чрезвычайно мобильную силу, которая в подавляющей своей части применяется там, где для этого существуют наилучшие условия. Глобализация - давно уже не миф и не художественное преувеличение: возможности трансграничной миграции факторов производства возросли настолько, что сдерживание ее административными методами (запреты на вывоз капитала и т.п.) превратилось в чрезвычайно малопродуктивное занятие. Если степень комфортности условий, в которых эти факторы возникают, созревают и функционируют, существенно разная, они легко и неудержимо перетекают с территорий с неблагоприятными условиями в те страны и регионы, где они способны быть применены с наибольшей эффективностью. В такой ситуации глубокие, системные дефекты в механизмах общественного управления и самоуправления фактически блокируют возможность сколько-нибудь устойчивого быстрого экономического роста, автоматически провоцируя дефицит жизненно необходимых для такого роста ресурсов.

Во-вторых, Россия - практически единственная из империй новой истории, которая в силу различных причин пока избежала процесса атомизации и распада на небольшие внутренне однородные образования, сохранила в рамках единого государства огромную территорию, населенную различными этническими и социокультурными группами. Соответственно, условием сохранения и упрочения единства страны в ее нынешнем виде является наличие современной высокоразвитой экономики, способной обеспечивать, с одной стороны, активные экономически выгодные связи между различными частями страны, а с другой - аккумуляцию ресурсов, достаточных для содержания и развития огромной транспортной, коммуникационной, административной и военной инфраструктуры, без которой сохранение реального контроля над огромной и многообразной страной объективно невозможно.

Сила инерции, позволяющая сохранять административный и просто физический контроль над огромными пространствами, в условиях хронического дефицита необходимых для этого материальных ресурсов имеет достаточно узкие пределы и близится к истощению. Более того, регионы, с которыми граничит сегодня Россия, в значительной своей части отличаются сегодня и будут отличаться в будущем повышенной нестабильностью, опасностью деструктивного влияния на примыкающие к ним российские территории. Противостоять этим опасностям экономика, существующая сегодня в России, окажется просто не в состоянии.

В-третьих, консолидация активной части политической элиты России, преодоление опасных разломов внутри нее и сохранение стабильности и преемственности основных институтов власти реально будут невозможны без формирования у нее экономических оснований для активной и самостоятельной роли в современном мире. Как бы мы ни относились к этому обстоятельству, образованная и влиятельная часть общества в России уже хотя бы в силу исторических особенностей отличается сравнительно большой численностью и повышенными амбициями, стремлением ощущать себя активным, а не односторонне зависимым звеном мировых политических процессов. Закрепление за Россией (в силу прежде всего экономической невозможности претендовать на большее) роли части «мировой деревни» с неизбежностью будет порождать политическое брожение в этой части общества, а значит - политическую нестабильность, чреватую катастрофическими потрясениями.

Проще говоря, все сказанное выше сводится к выводу: существование России в ее нынешних формах и границах возможно только при условии ее коренной экономической модернизации и перемещения вверх по шкале относительной развитости в рамках мирового хозяйства. Сохранение и, тем более, закрепление за ней ее нынешней роли отсталой периферии не сможет обеспечить минимально необходимые для внутренней социально-политической стабильности условия и с неизбежностью повлечет за собой распад страны и ее государственности уже в обозримом будущем. В этом смысле модернизация России и вхождение ее в группу развитых экономик в среднесрочной перспективе является не одной из возможных альтернатив (что можно сказать практически о любой стране со средним уровнем доходов), а условием выживания ее как независимого единого государства. Кроме того, наличие у России ядерного оружия гарантирует нам, что, в случае развития событий по вышеописанному негативному сценарию, произойдет активное вмешательство в эти процессы разнообразных внешних сил, результатом которого станет потеря страной реального суверенитета. Нельзя забывать, что осторожность, проявляемая более сильными государствами в отношении нынешней России, имеет объективные пределы: в случае если угроза потери контроля над глобально разрушительным оружием, имеющимся сегодня в России, в результате кризиса или просто общей слабости российской государственности, станет расцениваться как очень высокая, ее просто перестанут считать внутренним делом России со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Итак, мы можем констатировать: экономический рывок, который должен быть совершен Россией в исторически кратчайшие сроки, - не блажь и не призрачная мечта, а реальный исторический вызов, который она обязана принять, осознав всю степень опасности, связанной с возможным поражением перед лицом этого вызова.

3.2. Условия для прорыва: необходимые, но недостаточные

Насколько реально для России сделать такого рода исторический рывок?

Выше, во втором разделе этой книги мы уже много говорили о том, что в силу объективных тенденций и экономических условий разрыв, отделяющий группу наиболее развитых экономик от остального мира, имеет тенденцию закрепляться и приобретать качественный характер. Возникновение и растущая значимость нематериальных факторов производства и сопутствующей им интеллектуальной и исторической ренты дают этим странам громадную экономическую «фору», позволяющую обеспечивать стабильный прирост доходов при минимальных усилиях и с чрезвычайно низким уровнем рисков. Глобализация экономики в ее нынешней форме, то есть посредством транснационализации активности крупнейших компаний, исторически возникших в странах, которые условно называются «западным миром», и своим человеческим фактором неразрывно с ними связанных, приводит к тому, что эти глобальные по сфере своей деятельности компании контролируют огромную часть финансовых потоков по всему миру и улавливают большую часть доходов, возникающих в результате использования мировых хозяйственных ресурсов. Совершенно неслучаен тот факт, что за шесть десятилетий, прошедших с того времени, как «развивающийся» (или «третий») мир получил возможность претендовать на самостоятельную роль в мировой экономике, он не породил из себя почти ни одной по-настоящему крупной международной корпорации, способной контролировать и обращать на нужды стран этого мира ресурсные и финансовые потоки, сопоставимые с потоками, контролируемые крупнейшими компаниями развитой части мира. Так называемая «опора на национальный капитал», провозглашавшаяся многими политическими силами и правившими режимами стран «третьего мира», за редчайшими исключениями, не приводила к сколько-нибудь существенному результату. Собственный предпринимательский класс в этих странах, несмотря на устанавливавшиеся для него на «своей» территории преференции и даже жесткий протекционизм, направленный против иностранного капитала, в подавляющем большинстве своем оказался вынужден довольствоваться нишами мелкого и среднего бизнеса и исполнять роль в лучшем случае младшего партнера крупных транснациональных корпораций.

Да и сегодня, в условиях экономики начала двадцать первого столетия, как мы уже видели выше, нет никаких признаков того, что эта ситуация меняется или начнет меняться в ближайшие десятилетия. Более того, возникают новые препятствующие этому обстоятельства. Так, в отличие от прошлого века с его идеологемами о необходимости построения единого процветающего мира на базе единых ценностей, сегодня даже на уровне теории в самом западном мире, к сожалению, набирают силу изоляционистские настроения. Наиболее яркий симптом этого - вспышка популярности теории «конфликта цивилизаций», «цивилизационного разлома»; попытки части общественности в развитых странах разговорами о культурных и даже биологических различиях между богатыми и бедными народами отгородиться от гражданских и экономических противоречий, связанных с потерей огромными частями мира исторической перспективы.

Эта тенденция очень опасна, и в России она воспринимается исключительно остро. Ощущение того, что Запад пытается всячески отгородиться от России, записать ее в разряд «нормальных» бедных стран, фактически лишенных шанса в сколько-нибудь обозримом будущем стать частью развитого мира, воспринимается очень болезненно. В этом свете вполне объяснима негативная психологическая реакция в российском обществе на форсированное включение в ЕС и НАТО стран Восточной Европы и некоторых бывших советских республик. Это расширение воспринимается многими как попытка Запада провести четкую границу, по которой в будущем пройдет невидимая стена, отделяющая благополучный и динамичный «мировой город» от безнадежной и застойной «мировой деревни». При этом Россия остается по ту же сторону нового «железного занавеса», что и другие «безнадежные страны».

Так все-таки насколько реально в этих условиях выполнение сформулированной нами задачи коренной модернизации российской экономики и существенного перемещения ее вверх по шкале развитости в рамках мирового хозяйства? При всех сложностях и необходимых оговорках я бы рискнул ответить на этот вопрос утвердительно: да, это не только необходимо, но и возможно.

На чем основано такое убеждение? Во-первых, из любых правил, в том числе и вышеприведенных, есть исключения. В послевоенные годы элита мирового бизнеса пополнилась компаниями и целыми бизнес-империями, зародившимися и сформировавшимися в Японии и в Южной Корее. И если Японию с известной натяжкой еще можно отнести к исторически сформировавшейся группе богатых и развитых стран, то Южная Корея и по сей день, по крайней мере формально, относится к развивающемуся, а не развитому миру. При этом, несмотря на то, что сейчас южно-корейский корпоративный капитализм переживает не самые лучшие дни, его шансы интегрироваться в развитый мир остаются достаточно высокими.

Кандидатом на роль одного из мировых экономических лидеров является сегодня Китай, особенно с учетом перспектив интеграции бывшей плановой экономики основной части страны и традиционных рыночных хозяйств Гонконга и Тайваня. Собственно, уже сегодня китайский капитал, связанный с индустриальной базой КНР, активно транснационализируется, в том числе посредством скупки предприятий и компаний в Европе и США. Причем средства, затрачиваемые китайскими корпорациями на расширение своего зарубежного бизнеса, уже сейчас составляют суммы, сопоставимые с иностранными инвестициями в экономику Китая, и продолжают увеличиваться. Если же учесть, что постепенно превращающийся в часть экономики единого Китая Гонконг имеет за плечами опыт и репутацию одного из крупнейших мировых финансовых центров, что само по себе является ценнейшим нематериальным экономическим ресурсом, будущий китайский капитализм в случае разрешения противоречия между экономической свободой и недемократической политической системой, а также эффективного социально-экономического межрегионального выравнивания имеет все возможности занять место не на периферии, а в центре мировой экономики со всеми присущими этому возможностями и преимуществами.

Во-вторых, что как минимум столь же важно, у России есть определенный исторический задел, связанный как с опытом ее развития до 1917 года, так и с советским периодом ее истории. Выше мы уже говорили о том, что в силу политико-идеологических причин в советское время была предпринята попытка искусственно изменить картину распределения имеющихся хозяйственных ресурсов с амбициозной целью вывести тогдашний Советский Союз в мировые лидеры по масштабам и технологическому уровню экономической базы. (Кстати говоря, сама идея целенаправленного государственного вмешательства в картину распределения ресурсов и способы их использования не является чем-то уникальным: в той или иной степени ее использовали все страны, прошедшие через период активной модернизации, инициированной политической элитой.) И хотя ограничения, присущие советской экономической системе (вместе с объективными причинами, не связанными с характером хозяйственной системы), в итоге не позволили выполнить поставленную перед ней задачу, определенные основы для возможного «догоняющего развития» все же были заложены.

Главные из них мы уже называли - это наличие в структуре российской экономики некоторых производств и даже отраслей, не укладывающихся в модель классической «периферийной экономики», и избыточные для такой модели качественные характеристики

некоторых исходных экономических ресурсов. Ранее уже говорилось о создании еще в советский период технической основы для высокотехнологичных обрабатывающих производств и системы подготовки кадров для работы на таких производствах и его научного обслуживания. И хотя в конечном итоге эти факторы не обеспечили результата, на который рассчитывали формировавшие их экономисты и управленцы, они все еще имеют значение с точки зрения возможностей модернизации экономической структуры России.

В-третьих, пятнадцать лет, прошедшие после крушения системы планового хозяйства, показали, в числе прочего, одну очень важную вещь. А именно: человеческие, а точнее, управленческие ресурсы нынешней России таковы, что позволяют ей в исторически очень короткие сроки создавать на базе имеющихся в России ресурсных и обрабатывающих предприятий достаточно крупные и современные по уровню и методам управления рыночные компании-корпорации. При всех системных дефектах постсоветской российской экономической и политической системы, несмотря на во многом отрицательную роль, которую играло в соответствующих процессах государство, несмотря на ряд других неблагоприятных условий, в России, тем не менее, в массовом порядке возникли и продемонстрировали существенные успехи крупные корпорации, доказавшие свою способность не только выживать в неблагоприятной деловой среде, но и самостоятельно осваивать крупные, в том числе принципиально новые рынки, а также активно разворачивать зарубежную экономическую деятельность. Другими словами, при всей справедливости высказываемых претензий и опасений, в России, несмотря ни на что, реально возник и во многом сформировался свой собственный крупный капитал, причем не в смысле наличия огромных состояний (в научном смысле это еще не капитал), а в смысле наличия организаций, способных на рыночной основе мобилизовать и производительно использовать крупные объемы хозяйственных ресурсов.

Как правило, когда речь заходит о крупном капитале в России, внимание исследователей, равно как и массовое сознание, концентрируется либо на крупных личных состояниях российских бизнесменов (кто сколько чего контролирует и сколько это все стоит), либо на отрицательных особенностях организации крупного бизнеса в России, которым, впрочем, и в этой книге уделено значительное внимание. А ведь сам факт его возникновения - не в виде подразделений или дочерних структур иностранных транснациональных корпораций, а на собственной, во многом независимой от них основе, - почему-то воспринимается как нечто естественное и само собой разумеющееся, хотя на самом деле таковым оно не является. Более того, если исходить не из наивных представлений образца начала 1990-х годов (тогда многим, и в первую очередь энтузиастам рыночных реформ, казалось, что достаточно принять несколько разрешающих законов и - «оковы тяжкие падут», и на развалинах советской экономики в течение нескольких месяцев возникнет мощное и эффективное капиталистическое хозяйство), а из тех жестких по своему содержанию положений, которые были сформулированы мною выше, то станет очевидным, что формирование в течение нескольких лет крупного национального капитала представляет собой достаточно неожиданное или, во всяком случае, редкое в мировой практике явление.

В другой своей работе я уже говорил, что одной из главных ошибок оказавшихся в 1991-1992 гг. во власти (или около власти) «рыночных реформаторов» было совершенно неадекватное восприятие того, что в прежней системе называлось «социалистическим предприятием». А именно: по какой-то причине в качестве аксиомы принималось, что советские «социалистические» предприятия принципиально не отличались от классических капиталистических фирм, так что путем простого освобождения их от «оков» директивного планирования и механического перевода в частную собственность их можно превратить в эффективно работающий субъект капиталистической рыночной экономики. Между тем, и я продолжаю настаивать на этом и сейчас, советские предприятия были специфическим экономическим явлением, к которому неприменимы положения теории капиталистической фирмы, теории конкуренции, основ корпоративного управления и т.д. Эти предприятия были не самостоятельными хозяйствующими субъектами, а своего рода большими цехами единой системы государственного планового хозяйства, не приспособленными к тому, чтобы выступать в роли самодостаточных экономических агентов, способных эффективно выполнять все функции фирмы в традиционном капиталистическом хозяйстве. Не было у них для этого ни средств, ни условий, ни предыстории.

Формальная приватизация в этом плане ничего не меняла - реальную мотивацию и содержание экономического поведения хозяйствующего субъекта определяет не статус, а природа этого субъекта и те реальные условия, в которые он оказывается поставлен. И мы были свидетелями многочисленных случаев, когда люди, назначенные в процессе приватизации собственниками бывших советских предприятий, вели себя вопреки всем исходным допущениям теории капиталистической фирмы, разрушая и разоряя якобы принадлежавшие им предприятия. И даже в тех случаях, когда руководители предприятий искренне пытались вести себя как капиталистические менеджеры, быстро обнаруживали, что в том виде, в котором они это предприятие получали, оно в принципе не могло быть использовано для хозяйствования в рыночных условиях; что условием для этого является коренное преобразование как внутренней структуры предприятия, так и системы построения его отношений с внешней экономической средой.

Так что тот факт, что уже через десять лет после разрушения советской системы в России возник пусть слабый по сравнению с развитыми странами, пусть во многом уродливый, но тем не менее собственный, доморощенный крупный капитал, - это на самом деле важно и хорошо. Критики в его адрес высказываются много, причем критики совершенно справедливой, но его отсутствие как явления в сегодняшних условиях лишало бы Россию каких бы то ни было шансов изменить свое нынешнее место в мировой экономике в лучшую для себя сторону. Повторим еще раз - нравится это нам или нет, но сегодняшнее мировое хозяйство по своей сущности является капиталистическим, а главным его субъектом является крупный транснациональный капитал, формирующий центр мирового хозяйства и границы зон процветания, охватывающие лишь часть человечества и оставляющие остальным мало шансов сравняться с лидерами по уровню производительности и доходов. Поэтому для страны, желающей стать частью этого центра, не потеряв при этом своего государственного суверенитета, наличие тесно связанного с нею и ее интересами крупного бизнеса - необходимое условие и, по сути, единственный ключ к решению такой задачи.

Возвращаясь к вопросу о нынешнем лице российского крупного бизнеса, я бы хотел, не оправдывая его слабость и близорукость, призвать в то же время не перегибать палку и не забывать как минимум три следующих момента.

Всегда и везде бизнес - это, прежде всего, предпринимательская деятельность, и было бы в принципе неверно требовать от него решения задач, которые на самом деле относятся к компетенции государства. Нигде в мире, даже в самых развитых его частях, от бизнеса не требуют, чтобы он брал на себя в невозможном для него избыточно широком смысле функции социального и пенсионного обеспечения, защиты окружающей среды и интересов малоимущего населения, организации народного образования и здравоохранения и т.п. Обязательная, универсальная, базовая «социальная ответственность» бизнеса заключается в том, чтобы соблюдать разумные и исполняемые законы, платить налоги и избегать деятельности, очевидно идущей вразрез с интересами страны и общества, - и только. Все остальное может служить лишь дополнением, носящим добровольный характер или же обусловленным сформировавшейся общественной традицией. Радикальные претензии социального характера в адрес бизнеса, а не государства - свидетельство как минимум некорректного подхода к проблеме.

Лицо бизнеса и образ его действий определяется не в последнюю очередь той средой, в которую он помещен. К действиям власти можно предъявить как минимум столько же, если не больше, претензий, и было бы глупо требовать от бизнеса поведения более ответственного и государственного, чем поведение самого этого государства. В конце концов, именно государство в лице правительства и президентской

администрации проводило мошеннические аукционы, не платило зарплату собственным служащим, прощало самому себе долги, устраняло своих оппонентов силовыми методами, сплошь и рядом нарушало дух и букву действующих законов. Так стоит ли в такой ситуации ожидать, что бизнес, образно говоря, будет стремиться быть святее самого папы? Законопослушный, социально ответственный и ориентированный на долгосрочную перспективу бизнес в государстве, действующем по понятиям криминального мира, - это очевидный абсурд, ненаучная фантастика.

В развитии любого явления существует определенная этапность, избежать которой невозможно в принципе. Более «продвинутые» во многих отношениях западные корпорации - это в большей степени продукт длительной исторической эволюции, нежели некоего благонамеренного замысла, и без определенной доли терпения в ходе взаимодействия общества с бизнес-корпорациями не обойтись. Так что в этом контексте к современному российскому предпринимательству вполне применима формула: работать надо с тем материалом, который есть, ибо другого все равно нет и в обозримом будущем - не будет.

Возвращаясь, однако, к главному тезису, можно сказать следующее. При всех сложностях и отягчающих моментах в России сегодня имеется минимально необходимый набор условий и предпосылок для того, чтобы переломить ситуацию и реализовать возможность и шанс оказаться через десять-пятнадцать лет в первом эшелоне мирового экономического развития. Переход из нынешнего состояния страны как части мировой экономической периферии, роль которой в мирохозяйственных связях сводится если и не исключительно, то преимущественно к поставкам энергетического и металлургического сырья и, в незначительной степени, продуктов его первичной переработки; страны, не получающей никакого или почти никакого дохода от зарубежного использования своих финансовых и интеллектуальных ресурсов, к принципиально иной модели участия в мировой экономике - в принципе возможен и осуществим.

Разумеется, ни в коем случае нельзя преуменьшать трудности, которые ожидают ее на этом пути, если страна найдет в себе силы и решимость на него ступить. Конечно же, шанс, о котором мы сегодня говорим, - это не более чем шанс, и расхожие штампы относительно того, что Россия якобы «обречена быть великой страной», - циничный обман или глубокое заблуждение. Более того, угроза развала российской государственности, о которой мы говорили выше, остается как минимум реальной и актуальной. Определенная мера стабильности, присутствующая в последние несколько лет, при неблагоприятном стечении обстоятельств или неудачных шагах политической власти за несколько месяцев или даже недель может растаять как мартовский снег. Тем не менее, шанс все же имеется, и с исторической точки зрения было бы настоящим преступлением не попытаться ничего сделать для того, чтобы его реализовать.

И здесь мы подходим к ключевому положению, вытекающему из всей логики данной книги. Социально-экономическая система, которая сформировалась в России за последние полтора десятилетия и даже успела прочно укорениться в общественных отношениях и общественном сознании, - система, которая условно может быть названа системой «периферийного капитализма», - является главным препятствием для реализации нашей страной ее исторического шанса перехода как в разряд экономически развитых, так и реально политически суверенных, влиятельных государств.

3.3. Система «периферийного капитализма» как преграда на пути модернизации

Данное положение уже неоднократно формулировалось нами ранее, но по большей части в форме некоей аксиомы. Однако на самом деле оно легко доказывается логически и, более того, органично подтверждается мировым опытом новейшего времени.

Действительно, начнем с самого простого - с вопроса о темпах экономического роста. Учитывая масштабы сегодняшнего отставания России по уровню доходов населения и предприятий, по уровню технической и интеллектуальной оснащенности производств, являющихся основными источниками этих доходов, наконец, по соотношению объемов ресурсов, находящихся в распоряжении предприятий, и потребностей в них в период модернизации, невозможно сомневаться в объективной необходимости достижения высоких и очень высоких темпов экономического роста как обязательного условия преодоления этого отставания. Собственно, это понимание является сегодня в России практически всеобщим, и, судя по постоянному акцентированию задачи удвоения ВВП за десять лет, в полной мере разделяется и официальной властью. Однако способна ли существующая социально-экономическая система обеспечить возможность таких темпов роста на протяжении исторически длительных периодов времени? Мое твердое убеждение - нет, не способна.

Прежде всего, данная система органически не способна обеспечить главное условие ускоренного роста - механизм форсированного накопления капитала. Рост не берется из воздуха - он возможен только на базе опережающего накопления капитала хозяйствующими субъектами, действующими в данной экономике, для чего норма инвестиций должна длительное время находиться на исторически высоких уровнях - не 16-18%, как в сегодняшней России, а 30-40%. Возможно ли такое в рамках действующей системы? Рискну утверждать - нет. Здравый смысл подсказывает, а исторический опыт подтверждает, что относительные масштабы инвестирования (а в крупных масштабах последнее возможно только как долгосрочное инвестирование) находятся в прямой зависимости от уровня предсказуемости основных условий хозяйствования. А именно: степени незыблемости права собственности и норм взаимоотношений между участниками хозяйственной системы, размера изъятий в пользу государства и его относительной величины. Конечно, полной, стопроцентной предсказуемости нет нигде в мире, да и не может быть по определению, но разброс в ее фактических величинах достаточно велик, что определяется как историческим прецедентом (если в последние десятилетия базовые условия сохраняли стабильность, можно с высокой степенью достоверности предполагать их неизменность и в течение, скажем, десяти лет на будущее), так и степенью приверженности этому принципу политико-экономической элиты общества.

Так вот, система «периферийного капитализма» обеспечить эти условия не может в принципе, и это можно аргументированно обосновать. Во-первых, мы установили, что для нее характерна чрезвычайно высокая, гипертрофированная роль, играемая в хозяйственной жизни государственной бюрократией, которая в основной своей массе не владеет крупной личной собственностью и, соответственно, не заинтересована в придании ей статуса «священной коровы». Напротив, неизбежные волны кадровых изменений в рамках правящей бюрократии ведут к соблазну объявить сложившуюся структуру собственности несправедливой и нелегитимной и попытаться перестроить ее по-новому, с выгодой для новой кадровой команды.

Во-вторых, этой системе органически присуща пониженная роль права как регулятора общественных и экономических отношений. В этой системе право как институт выполняет второстепенные, вспомогательные функции, регулируя решение малозначительных вопросов либо отношения между хозяйствующими субъектами, не играющими в экономике сколько-нибудь важной роли. Главная же часть деятельности по распределению и использованию экономических ресурсов общества регулируется произвольными решениями административных и иных властных структур - решениями, которые в силу своей природы отличаются высокой волатильностью и

субъективизмом.

Наконец, в-третьих, особенностью «периферийного капитализма» является самовоспроизводство сложившейся структуры экономики с точки зрения роли отдельных секторов. В нашем случае - это закрепление сырьевого характера экономики, размеры и, главное, темпы роста которого жестко ограничены динамикой спроса на его продукцию. В результате главные субъекты инвестирования - крупные корпорации - оказываются не заинтересованными в форсировании этого процесса сверх потребностей сырьевого сектора, составляющего их основу и главный источник доходов.

Далее, даже если оставить в стороне вопрос о мотивациях, высокая норма инвестиций предполагает наличие значительного по масштабам и развитого по своим формам и содержанию финансового сектора, позволяющего обеспечивать аккумуляцию и сохранность финансовых ресурсов, сберегаемых в финансово избыточных секторах, к которым относятся в первую очередь домашние хозяйства, а также страховые и пенсионные фонды. Если деньги невозможно сохранить и преумножить в рамках финансового сектора внутри страны, они частью просто не будут сберегаться, частью уйдут в зарубежные финансовые институты - прямо (через утечку капитала) или косвенно, через их дочерние структуры внутри страны, использующие преимущества международных финансовых брэндов. И в том и в другом случае инвестиционные процессы внутри страны испытывают дополнительные ограничения по сравнению со случаем, когда основными кредиторами реального сектора являются национальные банки и институциональные инвесторы, ориентированные на местный капитал и хорошо ориентирующиеся в его условиях и рисках.

Периферийный же капитализм в силу присущих ему политических и институциональных ограничений не способен породить и поддерживать собственный мощный финансовый сектор экономики. Именно в этом, а не в каких-то технических и организационных проблемах, кроется, на мой взгляд, причина того, что в последние пять-шесть лет никаких качественных изменений в российской банковской системе не произошло. Как и в конце 1990-х годов, количество банков в разы превышает экономически разумные ориентиры, а средний размер российского банка (по стоимости активов и размерам капитала), особенно если исключить из этих показателей три крупнейших государственных банка, в принципе не позволяет им быть кредиторами крупнейших российских компаний, имеющих шанс превратиться в транснациональные корпорации. Естественно, что функции финансового посредничества выполняются российскими банками в крайне слабой степени, о чем свидетельствует практически хроническое состояние избытка ликвидности. Финансовые потоки и доходы, извлекаемые в сырьевом секторе, не перетекают в альтернативные секторы, испытывающие потребности в инвестиционном кредитовании, а прибыль в банковском секторе лишь в малой степени реинвестируется, а в основном «уходит» за его пределы. То есть, по сути, российские банки в подавляющем большинстве выполняют роль, присущую такого рода учреждениям в рамках периферийного типа капитализма - роль инструмента эксплуатации финансовых потоков в целях обогащения с использованием административного и криминального ресурсов. Они не перераспределяют денежные средства в адрес тех, кто может наиболее эффективно их использовать, что составляет главную полезную функцию банковской системы в развитом капитализме, и не защищают их от обесценения, а лишь технически обслуживают их движение, в том числе движение в «тень» и обратно, получая с этого свои комиссионные. Доказательством же того, что при этом они широко опираются на административные и криминальные ресурсы, является отсутствие концентрации в этом секторе. Ничем иным нельзя объяснить устойчивое существование сотен мелких и мельчайших «банчков» без филиалов и разветвленных систем связей, с минимальным капиталом и непрозрачной собственностью, по определению не способных быть эффективными кредитными учреждениями, но щедрых на выплаты собственным менеджерам и сотрудникам.

Итак, мы установили, что в рамках сложившейся системы не существуют и не могут устойчиво существовать условия для интенсивного накопления капитала, что является первейшим условием быстрого и устойчивого экономического роста. Однако достижению такого роста препятствуют также и другие черты системы периферийного капитализма, в частности уже упоминавшаяся нами в качестве закономерности тенденция к оттоку «лишних», а точнее - не находящих возможностей адекватного применения экономических ресурсов в страны, составляющие ядро мирового глобального хозяйства.

О «бегстве капиталов» написано уже очень много, так что вряд ли есть смысл останавливаться подробно на этой теме. Однако отметим, что вопреки часто высказываемому мнению причины хронического оттока капитала из «новой России» нельзя сводить только к моменту нестабильности (политической нестабильности, нестабильности в отношениях между бизнесом и государством, страху экспроприации и т.д.), реальной или мнимой «непатриотичности» бизнеса. Огромную роль здесь играет и объективная ограниченность сферы возможного применения капитала в экономике того типа, который утвердился сегодня в России. Любой крупный бизнесмен, если вы пообщаетесь с ним в неформальной обстановке, подтвердит вам, что разговоры о якобы безбрежных возможностях прибыльного использования средств в России - это не более чем миф. Теоретически - наверное, такие возможности и существуют, но практически - их нет. Я уже не раз говорил, что для существующей системы хозяйственных отношений характерна довольно жесткая сегментация рынка. Это, помимо прочего, означает, что каждый субъект может относительно комфортно работать и, соответственно, инвестировать только внутри ограниченного сегмента, для которого выстроена система административных и иных внеэкономических, внеправовых и неформальных отношений. Сам по себе этот сегмент, конечно, может демонстрировать рост, в отдельных случаях - даже очень быстрый (характерный пример последних лет - бурное расширение сетей мобильной связи), но выход за пределы такого рода сегмента сопряжен с огромными, чаще всего запретительно высокими издержками. Именно поэтому реальные портфели инвестиционных проектов в частном бизнесе, как правило, невелики - на это, кстати, указывают и те немногие банки, которые желали бы расширить кредитование реального сектора. А средства, не находящие себе возможностей применения достаточно прибыльного, чтобы оправдать сопутствующие издержки и риски, естественно, «утекают» за пределы страны, главным образом в те страны, где имеется развитая финансовая и институциональная инфраструктура и ниже уровень рисков.

Но утекают, конечно же, не только деньги. Отток образованной рабочей силы, в первую очередь технических и научных специалистов, привлекавший особое внимание в начале 1990-х годов, продолжается и сейчас, хотя и в менее заметных формах. Если пятнадцать лет назад это был массовый выезд людей, принадлежавших к определенным группам как по профессиональному, так и по этническому и территориальному принципу; часто воспринимавшихся или выступавших в роли беженцев, что привлекало широкое общественное внимание; то сегодня - это селективная экономическая эмиграция, главным образом образованных, амбициозных и достаточно талантливых молодых людей, «всасываемых» в качестве рабочей силы на порядок более диверсифицированными и технологичными экономиками центров мирового капитализма. Это - уже не чрезвычайные события переходного периода, а естественная для всех «периферийных» экономик закономерность, порождаемая их относительной слабостью и одновременно являющаяся одним из факторов, закрепляющих их второстепенное положение в мировом хозяйстве. Перебороть эту закономерность может только активная политика государства, ставящего модернизацию общества целью своей политики, а для этого, в свою очередь, необходима модернизация самого государства; в каком-то смысле - его реорганизация, которая позволила бы ему выйти за рамки порочной модели, успевшей, к сожалению, во многом уже утвердиться.

Надо заметить, что отток человеческих ресурсов, будучи менее заметным, чем отток капитала, на самом деле гораздо более опасен и даже фатален с точки зрения экономических возможностей общества. Финансовые ресурсы стимулируют и двигают экономический рост только в той степени, в которой они могут быть соединены, притом эффективно, с другими факторами производства. Об ограниченности

возможностей, которые предоставляют для долгосрочного экономического роста природные ресурсы, мы подробно сказали выше. А помимо них единственным ценным ресурсом, которым располагает Россия, является ее активное население, в первую очередь молодые специалисты, готовые здесь учиться и работать. Никаких иных источников роста на длительную перспективу в стране нет. Разговоры о якобы безбрежных интеллектуальных сокровищах, таящихся в недрах то ли секретной «оборонки», то ли неизвестных НИИ, пора прекращать - современная наука давно уже перестала быть делом одиночек «кулибиных». Открытия, способные существенно повлиять на хозяйственную жизнь, за редчайшим исключением, являются результатом деятельности хорошо организованных и щедро финансируемых научных корпораций, которые на практике работают в условиях жесткой конкуренции, когда отрыв одной из них «на десятилетия» просто невозможен. А современные отрасли высоких технологий (так называемого «хай-тека»), способные сформировать массовый спрос на свою продукцию, в гораздо большей степени опираются на квалифицированный труд большого количества специалистов, нежели на какие-то научные «заделы» и уникальные открытия. С этой точки зрения явно ощущаемая неспособность системы создать (пусть даже и искусственно) стимулы для диверсификации экономики, для деятельности крупных корпораций, способных обеспечить большое количество рабочих мест, требующих серьезной квалификации, и способных удовлетворить личностные и карьерные устремления молодежи и людей среднего возраста, является, пожалуй, главным препятствием для здорового и устойчивого экономического роста.

Наконец, нельзя обойти и вопрос о таких вроде бы неэкономических факторах, как бюрократизм и коррупция, которые во всех опросах неизменно называются в числе главных препятствий для успешного бизнеса в России практически всеми иностранными инвесторами - то есть людьми, способными в силу своего жизненного опыта произвести международные сравнения по этим столь трудноопределимым в количественных категориях показателям. Это не просто избитые фразы из разряда дежурных претензий бизнеса к власти, которые во все времена и во всех странах сводятся к обвинениям в высоких налогах, бюрократизме и произволе. Это - реальный тормоз для инвестиций и расширения хозяйственной деятельности. То, что при этом бизнес продолжает работать и зарабатывать - аргумент не вполне корректный. Бизнес может так или иначе работать при любом уровне коррупции и бюрократизма, но качество этого бизнеса будет совершенно иным, чем в случаях, когда эти явления удерживаются в сравнительно узких рамках. Крупномасштабный, долгосрочно ориентированный и социально ответственный бизнес несовместим с высоким уровнем коррупции в государстве и обществе - сталкиваясь с некоей критической массой проблем и сложностей, он либо отмирает, либо превращается в систему полукриминальных и общественно опасных организаций.

Как можно убедиться из результатов тех же опросов, в российском уровне бюрократизма и коррупции нет ничего уникального или необычного. На самом деле, это обычная практика для всех стран, которые можно причислить к периферии мирового капитализма, что, кстати говоря, является лишним доказательством того, что сформулированная нами характеристика российской экономической системы исторически точна и справедлива. С другой стороны, многочисленные исследования показывают, на мой взгляд, довольно убедительно, что коррупция является неотъемлемой и важной частью механизма консервации бедности и отсталости в периферийных зонах мирового капитализма. Коррупционированность административной власти не просто тормозит хозяйственную деятельность и провоцирует бессмысленную растрату ресурсов общества, она еще и провоцирует распространение в нем цинизма и нигилизма, что, в свою очередь, эффективно блокирует возможность мирного, эволюционного улучшения работы государственной машины, обрекая соответствующие страны на периодические политические потрясения, сопровождающиеся потерей политической преемственности и массовыми «переделами» собственности. Другими словами, утверждение в России системы «периферийного» капитализма создает еще один порочный круг, препятствующий экономическому развитию - порочный круг неразвитости гражданских отношений и повальной коррупции; и без разрыва этого порочного круга целенаправленными усилиями власти и общества на преодоление экономического отставания, отделяющего Россию от группы развитых стран, нет никаких шансов.

Особая опасность этого зла связана и с еще одним обстоятельством: коррупция государственного аппарата, зашедшая за определенные пределы, неумолимо ведет к потере управляемости в обществе. До этого предела в распространении и усилении злоупотреблений полномочиями административного аппарата в государстве сохраняется возможность обратного хода, при наличии, конечно, необходимой политической воли на самом вершине государственно-административной пирамиды. Однако после прохождения некоей критической точки возможность регулировать деятельность этой пирамиды сверху оказывается утерянной. Она либо просто перестает реагировать на сигналы, исходящие сверху, либо, в лучшем случае, имитирует такого рода реакцию, оставляя в неприкосновенности собственную логику функционирования.

Общественную жизнь в такой модели можно уподобить большому глубокому водоему: наверху могут дуть сильные ветры и нагонять волну, направление ветра может меняться, временами могут происходить настоящие бури, захватывающие внимание и поражающие воображение, и в то же время огромные толщи воды на глубине сохраняют покой или движутся по своим особым законам, не испытывая никакого влияния со стороны бурь, разыгрывающихся на поверхности. Признаки подобного состояния мы, к сожалению, начинаем наблюдать и в России: бурные, вроде бы, споры и громкие заявления, исходящие от публичных фигур, оказывают все меньшее влияние на работу государственного аппарата, функционирование которого все в меньшей степени определяется формальной политической линией официальной власти, и в возрастающей - интересами коррупционированной бюрократии как самостоятельного класса. Результатом этого процесса является все более осязаемое закрепление зависимости хозяйственных отношений от понятий и пристрастий бюрократического аппарата, приобретающего все большую независимость от публичной политики и официальных норм законности. Эта тенденция безусловно является негативной, так как снижает управляемость государства и качество предпринимательского климата. Но она еще и крайне опасна с точки зрения долгосрочных перспектив политической стабильности, потому что закрывает дорогу к эволюционному обновлению власти, которое играет важнейшую, ключевую роль в успешном (во всяком случае, относительно успешном) функционировании политических и административных механизмов в развитых странах.

Кстати, будет уместно заметить в этой связи, что самому понятию политической стабильности, как правило, придается различный смысл, в зависимости от того, о какой стране - принадлежащей к мировому «ядру» или к периферии - идет речь. Если во втором случае речь, как правило, идет об относительной прочности позиций конкретных людей, олицетворяющих собой верховную власть, то есть об отсутствии угроз более или менее насильственной смены персонального состава властвующей элиты, то в первом - лишь о преемственности институтов, обладающих властными полномочиями. При оценке политической стабильности в развитом обществе не имеет почти никакого значения, сколько времени будет оставаться у власти то или иное конкретное правительство, или то или иное высшее должностное лицо в государстве. Более того, замена конкретных лиц во власти может в этом случае иметь и, по сути, насильственный характер (досрочная отставка, импичмент и т.п.) - для стабильности важно лишь то, что все институты (а институты - это, в первую очередь, полномочия и процедуры) сохраняются в неизменном виде, а если и изменяются, то только в рамках действия институтов более высокого уровня. Собственно, именно в этом заключается суть понятия «правовое государство», и именно оно является ключевым при оценке степени развития гражданского общества.

Итак, мы видим, что система политических и хозяйственных отношений, характерная для стран второго и третьего эшелонов, - система, которую мы с известной долей условности обозначали как «периферийный капитализм», - представляет собой, по сути, главное препятствие на пути осуществления того исторического прорыва, который наша страна обязана сделать для своего сохранения на

политико-экономической карте мира. Когда нам говорят, что условием выживания страны является «консолидация элит», - необходимо обязательно уточнить, вокруг чего и для чего должна происходить эта самая консолидация. Если речь идет, явно или неявно, о консолидации в рамках существующей системы с целью ее закрепления и сохранения, то это путь не к сохранению страны, а к ее развалу и гибели, и в этом необходимо отдавать себе полный отчет. Консолидация элит имеет смысл и, более того, безусловно необходима, но только в том случае, когда она происходит вокруг задачи модернизации системы и, параллельно, самого общества во имя того, чтобы разорвать, наконец, порочный круг экономического отставания и застойных политической и хозяйственной систем.

Вопрос о том, как это возможно сделать - предмет особого разговора. Отчасти он связан с необходимостью инициировать сдвиги в массовом сознании, отчасти - упирается в проблему мобилизации воли политического класса. Многие зависит от темпов роста самосознания и самоорганизации предпринимательского класса, от осознания связи личных интересов каждого предпринимателя с интересами их же как класса и с национальными интересами страны, срочно нуждающейся в мерах по изменению своего положения в глобальной экономической системе. В какой-то степени это еще и вопрос политических технологий, что, однако, уже выходит за рамки тематики данной книги. Здесь же мне представлялось бы уместным ограничиться констатацией очевидного, на мой взгляд, тезиса о том, что магистральный путь к преодолению отсталого и, как следствие, зависимого положения России в рамках мирового капитализма в конечном счете сводится к постепенному демонтажу нынешней хозяйственной и политической системы, обрекающей страну на отсталость, посредством мирных, эволюционных институциональных реформ.

4. Новый общественный договор и основные институциональные реформы

То, что необходимо российскому обществу, чтобы вырваться из порочного круга, в котором оно оказалось в ходе перехода к рыночной экономике, можно в самых общих чертах описать как новый общественный договор.

4.1. Общественный договор в России: прошлое и настоящее

В течение веков общественный договор в России носил строго патерналистский характер, при котором всем (или почти всем) членам общества гарантировался определенный уровень благосостояния в обмен на абсолютное послушание их непосредственным начальникам в осуществлении экономических и политических планов, разработанных вышестоящими иерархическими органами. Коммунистическое правление хотя и изменило коренным образом структуру власти прежней царской России, но не изменило саму природу управления российским обществом. Здесь гораздо более уместна прямо противоположная интерпретация: социалистическая «революция» была ответной реакцией на попытки введения нового общественного договора, при котором управляемые в большей степени рассчитывали бы на свои собственные силы и инициативу, нежели на благосклонность правителей. Такие попытки начались в России со второй половины XIX века, когда было отменено крепостное право, и продолжались, пусть с отступлениями, вплоть до большевистского переворота 1917 года. Большевики же (особенно в сталинские времена) вновь ввели в ход почти все элементы старого общественного договора, включая фактическое крепостное право. Рядовые граждане были «освобождены» как от права принимать решения в отношении самих себя, так и от ответственности за решения. Общественный договор того времени гласил: «делай то, что тебе говорят, а власть позаботится о тебе и о твоей семье». С учетом условий плановой экономики и тоталитарного государства такой тип общественного договора был единственно приемлемым и единственно возможным в коммунистической системе.

Однако задача любой ценой создать современную промышленную экономику и мощную военную машину заставила коммунистических властителей значительно повысить образовательный ценз населения. Они также не смогли полностью предотвратить доступ информации в Россию о жизни на Западе и о западных жизненных стандартах. Еще важнее то, что они не смогли предотвратить побудительные стимулы своих служащих от вступления в глубокий конфликт с целями коммунистической системы. В России всегда (еще с царских времен) присутствовала определенная степень стремления получить что-либо даром и тенденция к сокрытию своей деятельности от системы, однако во времена правления коммунистов эти явления постепенно приняли характер полномасштабной параллельной системы, которая, как зеркальное отражение, была полной противоположностью официальной. Таким образом, система старого общественного договора постепенно разъедала себя изнутри и в конечном итоге была сброшена, как старая змеиная кожа.

Однако кончина старого общественного договора еще не привела к согласию в обществе относительно того, какие формы примет новый общественный договор. Состояние, в котором оказалось российское общество после развала коммунистической системы, можно описать как состояние полной неразберихи. Среди рядовых граждан растет понимание того, что патерналистские отношения с государством закончились навсегда и что в будущем им придется рассчитывать на собственную инициативу и предприимчивость. Очевидная неспособность правительства выполнять даже самые элементарные обязательства по отношению к гражданам (налогоплательщикам) и повторяющийся отказ от собственных обещаний только укрепляют это понимание.

С другой стороны, множество россиян все еще надеются на возврат к какой-то форме патерналистского общественного договора, при котором не будет нужды нести личную ответственность за свое благосостояние. В то же время и сами правители, хотя они уже не обеспечивают народу более или менее приличный уровень жизни, похоже, в большинстве своем все еще лелеют надежду сохранить тоталитарную власть по отношению к народу и при этом освободить себя от социальной ответственности. Это несоответствие между реальностью и ожиданиями, характерное для значительной части народа и правительства, служит основным источником конфликтов и разногласий и является препятствием на пути достижения согласия в отношении нового равновесия в обществе.

В результате такой неразберихи даже среди той части населения, которая первоначально приветствовала возможность получить экономическую независимость и искренне поддерживала идеи и правила экономической свободы и самостоятельности, растет разочарование в правительстве, которое умышленно затягивает отказ от многих черт тоталитарного контроля. Совершенно очевидно, что, несмотря на смену «оболочки», многие важнейшие элементы институциональной системы, характерной для общественного договора старого образца, остались в неприкосновенности. Причин тому много, и конкретные следствия тоже многообразны. В частности, нельзя не отметить, что «решена задача» обеспечения личных интересов правительственных чиновников, которые нуждаются в юридической основе для получения рентно-дотационных доходов и для иной коррупционной деятельности. Таким образом, новые фирмы и люди, в

принципе предпочитающие новый общественный договор, обнаруживают, что они все глубже и глубже погружаются в мир параллельной экономики, которая, в противоположность официальной экономической системе, предоставляет им замену нового хозяйственного устройства, хотя эта замена носит очень грубый, а главное, неэффективный характер. Модель поведения, характеризующаяся цинизмом и неприкрытым оппортунизмом, равно как и полным отрицанием необходимости общественного сотрудничества за пределами узкого круга инсайдеров, во все большей степени создает «эволюционно стабильную стратегию» для этих социальных игроков.

Другая часть населения, особенно те, кто по различным причинам, будь то черты личного характера или место проживания, не могут смириться с распадом патерналистского общественного договора, наращивают требования к властям (центральным, региональным и местным). Даже несмотря на то, что во многих случаях эти люди достаточно отчетливо понимают, что их требования в рамках старого общественного договора не могут быть или в любом случае не будут выполнены, они упрямо отказываются подумать над альтернативными решениями своих проблем и часто впадают в своего рода коллективное неистовство, удивительным образом смешанное с политической апатией. Реальность экономических и социальных условий в России делает возвращение к общественному договору старого типа в высшей степени невероятным, однако отчуждение между различными социальными группами в серьезной степени затрудняет достижение нового социального согласия в обществе.

И наконец, относительно немногочисленная, но влиятельная группа игроков («олигархи») на всех уровнях от федерального до регионального и даже местного использовала существующую обстановку хаоса для упрочения своего личного положения путем приобретения еще более привлекательных активов и установления собственной «корпоративной» формы общественного договора в отношении обеспечения прав собственности. Именно этот и, за небольшим преувеличением, исключительно этот клан близких к власти частных игроков обслуживает правительство (на федеральном или региональном уровнях). Именно от этих игроков зависит благосостояние правительственных чиновников, да и продолжение существования самого правительства. Рядовые граждане практически выключены из этого корпоративного общественного договора, и им остается рассчитывать только на собственные силы (либо подчиниться параллельной экономике, либо абсолютно безуспешно требовать, чтобы корпоративные игроки выполняли свои обязательства по отношению к ним).

Таким образом, мы можем выделить несколько слоев социальной игры в современной российской экономике: в существенной части уничтоженный старый тоталитарный договор, в котором, однако, привилегированные круги бюрократии пытаются сохранить те элементы, которые позволяют им заниматься корыстной, выгодной для себя деятельностью; зарождающийся новый общественный договор, основанный на расчете на собственные силы и на отстаивании свободы экономической деятельности, но лишенный какой бы то ни было институциональной поддержки и больше напоминающий джунгли, описанные Гоббсом, нежели современную форму социальной игры; и последний слой - это эксклюзивный корпоративный договор, количество игроков в котором ограничено группами влияния и бюрократическими группировками, которые демонстрируют чудеса «гибкости», используя сохраняющиеся элементы старой системы для приобретения (стяжания) ценных активов с целью упрочения личного положения своих членов наряду с элементами нового общественного договора, дающими им возможность бесконтрольно распоряжаться получаемыми доходами. Подобная сегментация социальной игры приводит к соответствующей сегментации общества и препятствует установлению стабильного равновесия. Эта сегментация является основным источником социальной неэффективности и приводит к чувству потери направления движения, которое в равной степени ощущают обычные граждане, правительственные бюрократы и политические лидеры.

В результате абсолютно реальными являются опасения, что продолжение нынешнего курса может в конечном итоге привести к полной утрате конкурентоспособности, отставанию страны, уходу навсегда в число слаборазвитых государств. Учитывая особенности России, ее размеры, характер границ, наличие природных ресурсов, геополитические последствия такого развития окажутся сокрушительными.

Если не будет введен новый общественный договор, который будет определять основные правила не только в неформальном секторе экономики, но и в открыто выраженной социальной игре между государством и его гражданами, сила новых стимулов так и останется невостребованной, продолжится движение в опасную сторону, учитывая структуру российской промышленности и накопленные большие арсеналы оружия массового уничтожения.

Важнейшей задачей любого правительства, искренне желающего модернизировать, сделать современной российскую экономику и политику, является представление четкого проекта нового общественного договора. Как уже упоминалось, осмысленные шаги в реформе не могут быть только шагами, предусматривающими те или иные благосклонные действия правительства, но шагами, которые должны быть основаны на понимании и симпатии к повседневной жизни рядовых граждан в существующей экономической, политической и социальной атмосфере в России и на понимании движущих ими стимулов. Все предыдущие реформы в России, начиная с реформ Петра I и заканчивая нынешними попытками перехода к рыночной экономике, проводились самонадеянными правителями, считавшими себя прирожденной элитой, отрешившимися от «безмозглых масс» и не принимавшими во внимание заботы и нужды рядовых граждан. И все эти реформы провалились именно вследствие перечисленных причин. Реформы, проводимые только «сверху», не способны привести к реальным изменениям в образе жизни и поведении людей и высвободить их созидательную энергию. Самонадеянность «поборников реформ» приводила и приводит к тому, что вместо благодарности они получали только ненависть рядовых граждан. Без мотивированного участия народа никакая реформаторская политика, будь то «радикальная», «постепенная», «идеологическая» или «технократическая», никогда не будет иметь серьезных шансов на успех.

Основной чертой общественного договора в условиях рыночной экономики и демократического гражданского общества является то, что рядовые граждане («управляемые») принимают на себя основную ответственность за собственное благосостояние и за благосостояние своих семей, в то время как руководители («правители»), во-первых, ограничивали бы те свободы, которые наносят ущерб другим гражданам (например, свободу для групп влияния завладевать активами и перекачивать получаемые доходы на офшорные счета), и во-вторых, отменили бы все иные ограничения свобод, таким образом избавляясь от тех ограничений, которые были введены с целью обеспечения личных доходов для членов правительственной команды путем получения дотационных доходов и коррупции.

Из этого видно, что решение вопроса не может быть сформулировано в рамках большей или меньшей степени вмешательства государства. В каких-то случаях от государства требуется большая степень вмешательства, а в каких-то - определенно меньшая. Отдельной проблемой является создание условий, при которых государство не будет брать на себя неразумных обязательств перед своими гражданами и в то же время никогда не будет отступать от сделанных обещаний.

Далее мы рассмотрим различные механизмы стимулирования, которые могут быть использованы для введения элементов нового общественного договора. Первым и важнейшим таким механизмом стимулирования является сама демократическая система. Ее развитие предполагает не только проведение выборов президента и парламента, но и содействие конституционным изменениям, направленным на оптимальное распределение полномочий между исполнительной, законодательной и судебной властями. Не обойтись и без заслуживающих доверия средств массовой информации, независимой судебной власти и развитых политических партий.

Однако политическая демократия на национальном уровне является лишь одной из составляющих в структуре стимулов, необходимой для создания благоприятных условий перехода к новой форме общественного договора. Она должна дополняться содействием децентрализации как власти, так и финансовых ресурсов и строгим соблюдением демократических процедур на региональном и местном уровнях. В частности, Россия будет обречена на нестабильность и недостаточное развитие до тех пор, пока 80% всех денежных ресурсов страны сосредоточены в Москве. Необходимо поощрять местные инициативы и предпринимательство, если мы хотим, чтобы от плодов экономического роста вкусили многочисленные региональные, социальные и этнические группы. Кроме того, самостоятельная ответственность предполагает самостоятельность в организации и самоуправлении, и этот принцип должен быть распространен до самых низов, то есть до самых малых местных населенных пунктов, в то время как задачей федерального правительства будет обеспечение того, чтобы федеральный закон, единый для всех регионов, действовал как мощная интегрирующая сила.

Второй основной элемент нового общественного договора может быть введен вместе с институциональной структурой рыночной экономики. Это означает создание совершенно нового комплекса правил рыночной игры по сравнению с правилами, преобладающими в сегодняшней квазирыночной экономике. Эти новые правила должны означать решительный разрыв с наследием прошлого, когда административная власть стояла над законом. Частные фирмы должны регулироваться законом, а не правительственными чиновниками или местными баронами, которых не всегда легко отличить от главарей гангстерских шаек. Власть нефтяных и газовых магнатов, которые получают громадные прибыли, используя природные богатства страны, должна быть урезана. Их деятельность должна стать прозрачной, и они должны стать подотчетны общественному контролю.

Для обеспечения возникновения устойчивого среднего класса должна возникнуть открытая рыночная экономика, основанная на частной собственности и конкуренции. Существующая система экономического управления, при которой большинство крупных предприятий управляется инсайдерами, должна быть в корне преобразована. Открытый бухгалтерский учет, соответствующий международным стандартам, является предпосылкой для контроля над коррупцией. Свободная конкуренция должна развиваться путем поощрения создания малых и средних предприятий и путем упразднения бюрократической волокиты и избыточного регулирования, стоящих на их пути.

Для того чтобы новый общественный договор приобрел серьезную привлекательность для людей, они должны быть в достаточной степени убеждены в том, что в будущем Россия станет сильной и процветающей страной, а не страной, скатывающейся в слаборазвитый мир.

Мы считаем умелую и взвешенную децентрализацию власти и меры по осуществлению самоорганизации крайне важной частью нового общественного договора, при котором правительство будет служить народу, а не наоборот.

Осуществление проекта нового общественного договора неизбежно встретит сопротивление крупных компаний и монополий. В частности, группы влияния на национальном и местном уровнях, а также связанные с ними политические лидеры, извлекающие немалые выгоды из существующего эксклюзивного «корпоративного» общественного договора, будут сопротивляться не только демократической смене власти, но и любым попыткам кодифицировать новую конкурентную форму общественного договора.

В то же время мы полагаем, что конечный выигрыш в социальной и экономической эффективности, который принесет новый общественный договор, рано или поздно компенсирует даже их потери за счет создания новых источников богатства, которые повысят уровень жизни всех граждан. В конце концов, ни в чьих интересах, и в том числе не в долгосрочных интересах «олигархов», до бесконечности сохранять существующее положение, чреватое в конечном итоге столкновением между различными слоями участников социальной игры.

У нас есть основания полагать, что многие руководители предприятий, бюрократы и даже политики в России не остаются полностью глухи к голосу разума. Их проблемой, равно как и проблемой большинства простого народа, является то, что в отсутствие эффективной общественной координации любая попытка действовать в соответствии с потенциально более эффективными правилами игры обречена на провал.

Работа на благо своих граждан и конструктивная роль в мировой экономике и политике будут правильным выбором для России. Ее новая экономическая и политическая система конечно будет содержать много сугубо специфических черт, но она должна вписываться в европейский тип рыночной экономики и демократии. Дело не в том, что мы считаем европейскую систему идеальной. Проблемы Европы многочисленны и хорошо известны. Тем не менее, учитывая современное состояние российского общества, будет замечательно, если проблемы России хотя бы приблизятся по своему характеру к проблемам большинства европейских стран.

То, что политика нынешней власти уводит нас все дальше от описанного выше нового общественного договора, нисколько не умаляет справедливости сделанных выводов, а лишь еще раз подчеркивает их насущную необходимость.

4.2. Главная цель

Конечно, разработка подробного плана экономических, социальных и политических реформ, обеспечивающего прорыв России в число развитых стран, - самостоятельная и обширная задача для большого числа специалистов, организаций и правительства в целом. Такой план ни в коей мере не является целью данной книги.

Моя цель другая - определить подходы к решению ключевых проблем и лишь сформулировать главные направления разработки подробного плана реформ на ближайшие десять-пятнадцать лет*.

В первую очередь необходимо внести ясность в вопрос о конечных целях, соответствующих или вытекающих из нового общественного договора. Ныне существующая ситуация, когда отсутствие стройной и непротиворечивой системы представлений о будущем страны компенсируется абстрактными лозунгами «величия и процветания», аморфной и беззубой идеологией центризма, не может быть более терпима. Необходимо определиться, какие ценности будут культивироваться в нашей стране с ее противоречивым прошлым и не менее противоречивым настоящим; какое место она будет занимать в мире - в мире, который в обозримом будущем неизбежно будет оставаться внутренне разделенным, - через десять, пятнадцать, двадцать пять лет.

Повторим еще раз - нравится нам это или нет, но реальность нашего времени такова, что мир продолжает оставаться крайне

неоднородным, наряду с группой стран, концентрирующих у себя большую часть наиболее ценных экономических ресурсов, в первую очередь интеллектуальных и технологических, а также финансовых и силовых, существует и будет существовать огромная мировая периферия, лишенная доступа к основной части благ, являющихся результатом использования этих ресурсов. Для России как страны, находящейся сегодня в «серой зоне», где имеются объективные предпосылки для движения в разных направлениях, существуют только два пути: либо, используя эти предпосылки, попытаться стать частью ядра мирового капиталистического хозяйства (этот путь условно можно назвать «европейским выбором» для России), либо искать свое место на его периферии. Можно приводить аргументы в пользу того или другого варианта, но очевидным должно быть одно: никакого «третьего», «евро-азиатского», какого угодно «своего» пути нет и не будет. Страх поступиться частью собственного суверенитета как аргумент против «европейского» или «евро-атлантического» пути для России понятен и даже отчасти обоснован. Но единственная альтернатива - место на периферии мировых процессов. Она также неизбежно связана с ограничением государственного суверенитета - не обязательно формальным, но, по существу, еще более значительным, поскольку суверенитет и независимость имеют смысл только в той степени, в какой имеются практические возможности их реализации. (Суверенитет слабого и зависимого - это как свобода без денег: вроде бы есть, а воспользоваться невозможно.)

Если же мы посмотрим на то, чем отличаются страны, входящие в первую группу, от остальных, то нельзя не признать в качестве общей и объединяющей их черты наличие определенного набора базовых ценностей, к которым в первую очередь относятся приоритет прав человека, в том числе права собственности, индивидуальная свобода и понятие социальной справедливости. Можно спорить о том, что первично - эти ценности или экономическая эффективность. Является ли относительное экономическое процветание этой группы стран следствием приверженности их политической элиты названным ценностям или, наоборот, экономическое благополучие создает возможности для относительно более полной реализации принципов личной свободы, безопасности и сглаживания социального неравенства? Лично мне представляется, что истина в этом споре, как водится, лежит где-то посередине, но главное в другом. А именно: признавая, конечно, что было бы контрпродуктивно, да и просто глупо пытаться немедленно перекроить ткань общественных отношений в строгом соответствии с названными ценностями, нельзя вместе с тем не видеть, что без формулирования их как общественных целей, как ориентира при выборе стратегии никакие реформы как средство модернизации российского общества невозможны. Модернизация государства без человека, без провозглашения и реального приоритета интересов конкретного гражданина неизбежно приведет нас в ряды наций бедных и бесправных, то есть в конечном итоге к ситуации, прямо противоположной задачам модернизации.

Итак, в реально сложившихся условиях первым шагом на пути к новому общественному договору, модернизации и эффективным реформам как ее инструменту должно быть принятие в качестве базовых ценностей человека и гражданина и его свобод; его права на собственность и одновременно на социальную справедливость; приоритета института права по отношению к соображениям политической целесообразности и субъективным представлениям о ней конкретных лиц, наделенных властью и собственностью. Естественно, речь идет не о слепом следовании этим принципам во всех возможных ситуациях, но о принятии их в качестве главных, базовых ориентиров. Другими словами, понятия правового государства, гражданских прав и свобод, социальной справедливости должны стать своего рода компасом «дорожной карты» российских реформ.

Далее, подлинными реформами, которые еще только предстоит начать, стартуют не с чистого листа. Нынешнее российское общество - отнюдь не *tabula rasa*, у него есть своя история, да и у самих реформ - предыстория в виде весьма неоднозначных событий последних полутора десятилетий, которые наложились на имперскую авторитарную и советскую тоталитарную традицию. Соответственно, прежде чем начинать собственно реформы, необходимо определиться с существующими условиями и, главное, подвести некую черту под нынешним периодом российской истории со всеми его политическими, социальными и экономическими последствиями.

4.3. Три условия

Во-первых, это вопрос о власти. Нынешняя официальная власть в России (я здесь имею в виду не только главу государства, но всю систему государственной власти на всех ее уровнях) - есть продукт полутора десятилетий, включавших в себя неоднократные колоссальные политические потрясения (достаточно вспомнить 1991 и 1993 годы), неоднократные нарушения политической преемственности, кулуарную разработку и фактическое навязывание обществу системы организации государственной власти и ее почти перманентную перекройку. Более того, на этом фоне власть неоднократно лгала обществу, подменяла понятия, отказывалась от своих обязательств перед ним. Все это не может не сказываться на восприятии обществом государственной власти в плане ее легитимности - пусть не в форме прямого и публичного оспаривания последней (такие вещи сравнительно легко поддаются пресечению и контролю), но в форме скептического и цинично-равнодушного отношения населения к деятельности государственных институтов и готовности саботировать любые их решения. Одновременно власть унаследовала в полной мере традиции предыдущей эпохи, которые были заложены еще Сталиным.

Для действительных реформ такая ситуация - очень мощное, если не непреодолимое, препятствие. Для того чтобы созидательные реформы могли иметь шанс на успех, доверие населения к институтам государства, авторитет закона и государственных решений вообще должны быть существенно выше, чем мы имеем сегодня. Другими словами, государственная власть сегодня нуждается в дополнительной легитимизации через предоставление более широких возможностей доступа к рычагам власти представителям политических и социальных групп, альтернативных правящим, в обмен на гарантии уважения с их стороны основ конституционного строя и незыблемости принципов построения и функционирования системы власти в стране. Кроме того, необходимо принятие компромиссного пакета законов, ограничивающих политическое влияние крупных собственников («деолигархизация власти») путем резкого повышения прозрачности процесса принятия экономически значимых решений и формулирования четких и не подлежащих двойному толкованию оснований для отмены государственных решений, вынесенных в интересах отдельных групп и личностей в обход установленных законом процедур, а также привлечения к ответственности их инициаторов.

Во-вторых, это вопрос о собственности и, прежде всего, вызывающий наибольшие противоречия в обществе вопрос о крупной собственности, основная часть которой так или иначе связана с итогами и особенностями приватизации бывшей «социалистической» государственной собственности. Очевидно, что сегодня степень ее легитимности явно недостаточна, чтобы обеспечить активное участие и сотрудничество крупного бизнеса в процессе модернизационных реформ. С другой стороны, столь же очевидно, что вопрос о легитимизации приватизации и возникших в ее результате отношений не имеет простого и однозначно правильного решения, так как в этом случае мотив защиты института собственности противоречит соображениям социальной справедливости, которые, в свою очередь, представляют собой важнейший элемент необходимого для успеха реформ социального консенсуса. Нужно принимать специальный пакет законов.

Первая часть этого пакета должна признать сделки по приватизации легитимными (кроме тех, где были совершены убийства и другие тяжкие преступления против личности) и ввести единовременный компенсационный для общества налог на чрезвычайную прибыль - *windfall tax*. Способ определения и величина налога - вопрос для обсуждения. Вторая часть пакета - работоспособные действующие

антимонопольные законы и законы о защите конкуренции, а также об ограничении концентрации капитала. Третья часть - законы о прозрачности финансирования политических партий, о прозрачности лоббирования в Государственной Думе, в других органах, об общественном телевидении и целый ряд антикоррупционных законов, в том числе и об ограничениях на бизнесменов, чиновников и членов правительства, которые воспользовались коррупционной приватизацией 1990-х годов.

Так же как и в случае с властью, вопрос о собственности должен быть урегулирован на основе некоего компромиссного решения. Оно, с одной стороны, обеспечило бы гарантии неизблемости прав собственников при условии соблюдения ими буквы закона, а с другой - в интересах общества сформулировало бы правила распоряжения активами, которые были получены в результате бюрократической приватизации, то есть на базе нерыночных в своей основе механизмов и процедур. Конкретные схемы и варианты такого рода правил могут быть различными (например, правила оборота этих активов и участие в составе их номинальных собственников или управляющих структур нерезидентов и любого рода непрозрачных структур и др.). Важно при этом принять такие правила, которые сведут к минимуму искажения мотивации собственников в отношении эффективности использования оказавшихся в их распоряжении активов и одновременно позволят сохранить определенный уровень контроля над их использованием с точки зрения соответствия общественным целям.

Тот же принцип должен быть применен и для легитимизации собственности, приобретенной не только в процессе приватизации и с существенными нарушениями налогового законодательства. Гарантии права собственности на деньги и активы, приобретенные некриминальными методами, но без уплаты налогов, могут быть предоставлены в обмен на некоторые ограничения при их использовании (обязательный, хотя бы и временный, перевод денежных средств в российскую банковскую систему, уплата постфактум подоходного налога с официальной амнистией по допущенным налоговым нарушениям и т.п.).

И еще. В связи с событиями в Украине в обиход вошел термин «деприватизация». Что можно сказать? Ситуация в Украине и в России разная, и украинский опыт, если он и окажется положительным, в России не будет применим. Но закон о порядке деприватизации в России должен быть принят для того, чтобы нормировать механизмы отчуждения собственности у владельца, использовавшего для ее получения особо тяжкие преступления - убийства, захват заложников и т.п.

В-третьих, это вопрос о судебном арбитраже как независимом институте хозяйственной и политической жизни. Точно так же, как никакая сколько-нибудь сложная спортивная игра не может быть организована без независимого нейтрального судейства, так экономическая и политическая системы развитого общества не могут функционировать без института независимых арбитров, в роли которых выступают государственные и арбитражные суды, которые не могут быть объектом чьих-либо санкций по любым иным основаниям, кроме отступления от закона при принятии судебного решения.

Российская судебная система в том виде, в котором она существует сегодня, - это продукт иных общественных отношений, институт, в течение многих лет и даже десятилетий действующий по иным принципам и укомплектованный людьми, привыкшими лишь в минимальной степени зависеть от закона и в огромной степени - от мощных политических и экономических интересов. Игнорировать это обстоятельство при планировании процесса реформ - совершенно недопустимая ошибка, но и полная замена штата судей, равно как и штатов правоохранительной системы в целом, - вариант технически и политически неосуществимый. Поэтому и здесь обязательным условием является своего рода подведение черты под прошлым; своего рода амнистия по прошлым «грехам» судебно-правоохранительной системы при резком ужесточении ответственности ее работников за любые будущие отступления от буквы закона, которые в их случае должны рассматриваться как тяжкие уголовные преступления. Такая «амнистия» должна означать, например, неприменение санкций к судьям за ранее вынесенные неправосудные приговоры. Но она должна сопровождаться созданием механизма пересмотра таких приговоров: их многочисленные жертвы продолжают находиться в заключении либо остаются пораженными в правах. (Помните об «оборотнях в погонах»? Никто не слышал, чтобы их жертвы были реабилитированы.)

После реализации названных предварительных условий можно будет приступать и собственно к процессу модернизационных реформ, содержание которых во многом самоочевидно и потому не требует пространных комментариев и обоснований. Основные направления и принципы этих реформ можно обозначить следующим образом.

4.4. Направления реформ

Первым главным направлением осмысленных реформ должно стать создание институциональной инфраструктуры развитого общества.

Как и в случае с базовыми ценностями, вопрос о том, что первично - высокий уровень развития экономики или сопровождающая его институциональная инфраструктура, базис или надстройка, - не имеет простого и однозначного ответа. Конечно, процесс должен идти параллельно. Пытаться отстраивать современные прогрессивные институты и ожидать от них эффективного функционирования в бедном и застойном обществе бессмысленно. Но столь же бессмысленно и уповать на то, что экономический рост на каком-то этапе автоматически приведет к появлению эффективного и некоррупцированного государственного аппарата, независимой и компетентной судебной системы, достойных развитого государства вооруженных сил и спецслужб, современной системы образования, не говоря уже об институтах осуществления экономической политики, органах надзора за банковской и финансовой системами, честной и эффективной системы органов социального обеспечения и социальной помощи и т.д. и т.п.

Поэтому первой задачей в повестке дня будущих реформ должны стать институциональные реформы, первые результаты которых должны являться условием, а не результатом удвоения ВВП и других амбициозных задач в экономической области. Речь идет, в частности, о реформе системы государственной службы. Не об «административной реформе» как очередном слиянии-разделении министерств и ведомств и сопутствующей перетряске кадров, а именно о реформе государственной службы, призванной коренным образом изменить систему мотивации труда государственных служащих, повысить привлекательность госслужбы для людей способных, творческих и энергичных и одновременно резко повысить требования, предъявляемые к степени их компетентности и честности. Такая реформа должна включать в себя, помимо значимого повышения тарифных ставок, создание особой системы социальных гарантий для работников государственного аппарата, системы учета и оценки опыта предыдущей деятельности, безупречных с точки зрения закона стимулов для карьерного роста, а также системы особой ответственности работников этого сектора за нарушение установленных для них правил, а также норм этики государственной службы. Содержание деятельности государственных органов должно быть подвергнуто более тщательной регламентации с обязательным усилением ее прозрачности и доступности для гражданского и парламентского контроля.

Речь далее должна идти о серьезных реформах в судебной системе. После того как под прошлой деятельностью работников этой системы будет подведена черта, степень и механизм ответственности работников этой системы за неправомерные или необоснованные с точки зрения закона решения должны быть многократно усилены, равно как и ответственность за попытки подкупа или оказания давления на судебные органы, в том числе и со стороны органов исполнительной власти. Жесткость, а главное - неотвратимость наказания за любые незаконные или необоснованные судебные решения должна перевешивать любые связанные с такими решениями блага или отношения, а механизм надзора за судебными решениями должен исключить возможность доминирования в нем какой-либо одной группы интересов или политической силы. Одновременно судьям должен быть предоставлен справедливый и эффективный иммунитет. В судах должен заработать механизм пересмотра ранее вынесенных незаконных приговоров.

Далее, безусловно, необходимо принятие и, главное, создание механизмов реализации целого ряда законов, направленных на противодействие коррупции и организованной преступности. Сегодня очевидно (да и весь мировой опыт подтверждает это), что обычными, универсальными методами побороть это зло, особенно в таком запущенном состоянии, невозможно. Необходимо создание для этой цели специальных органов и сил, наделенных адекватными возможностями, вооруженных необходимыми для этого инструментами и надлежащим юридическим обеспечением, а также несущих за свою деятельность особую ответственность. Все необходимые наработки и опыт, в том числе зарубежный, имеются, дело только за демонстрацией необходимой для начала этого процесса политической воли.

К числу наиболее актуальных и срочных институциональных реформ относится разработка механизма защиты свободы информации при одновременном ужесточении ответственности за злоупотребления ею. Как и во многих других сферах, здесь необходима срочная разработка четких и однозначных критериев правомочности ограничений на распространение информации и доступ к ней, с одной стороны, и привлечения к ответственности за нарушение норм права и профессиональной этики при использовании этой информации - с другой. В противном случае обществу никогда не удастся вырваться из порочного круга информационной непрозрачности и использования средств массовой информации исключительно в качестве политического и экономического оружия. Существование же этого порочного круга в состоянии похоронить любые, даже самые добронамеренные усилия по реализации политических и экономических реформ.

К институциональным реформам следует также отнести давно назревшую и даже перезревшую реформу естественных монополий и ЖКХ, которую ошибочно или с недобрым умыслом пытаются свести к чисто организационным изменениям. Суть необходимой реформы - обеспечение открытости и прозрачности для внешнего контроля структур, действующих в этих областях, - подменяется бесконечными дискуссиями об организационных перестройках (слиянии и разделении таких структур, создании новых, объединении в холдинги, перегруппировании и т.д.). Их результатом может быть что угодно, но не повышение прозрачности циркулирующих в соответствующих секторах финансовых потоков.

Наконец, к этому же направлению можно отнести реформу системы социального, в том числе пенсионного обеспечения, а также реформу трудовых отношений, которые призваны заложить в стране основы современного социального государства. Важность этих реформ ни в коем случае нельзя преуменьшать ссылками на общий низкий уровень доходов, ограниченность финансовых возможностей государства, особенности и трудности «переходного периода» и т.п. Я убежден, что сегодня наличие сильного социального государства - это не только продукт экономического развития, но и его условие: незащищенный работник, работник, обуреваемый страхом перед немотивированным увольнением, разорительной болезнью и нищей старостью, не в состоянии быть полноценным субъектом постиндустриальной экономики нового тысячелетия.

Вторым направлением в рамках предлагаемой «дорожной карты» реформ должно стать создание системы стимулов для долгосрочного инвестирования и сложных форм современной экономической деятельности. Нет необходимости убеждать меня в том, что чрезмерное вмешательство государства в экономику есть экономическое и социальное зло, источник неэффективности и злоупотреблений, причина нерационального делового поведения и существенного снижения темпов экономического роста по сравнению с потенциально возможными. Однако столь же очевидно, что грамотное отстраивание системы стимулов для притока ресурсов и предпринимательской энергии в сферы, предполагающие использование технически и организационно сложных схем, подразумевающие долгосрочные горизонты делового планирования и повышенные риски и потому неизбежно зависимые от уверенности в стабильно благожелательном отношении со стороны государства, является необходимым условием для возникновения новой экономики, конкурентоспособной в рамках современного мирового хозяйства. Отсутствие некомпетентного бюрократического вмешательства - это необходимое, но явно недостаточное условие для вхождения страны в число развитых постиндустриальных экономик. Другим таким условием является наличие в стране крупного цивилизованного бизнеса, не столько свободного от государства, сколько взаимодействующего с ним по тем вопросам, где конкурентоспособность бизнеса в глобальной экономике напрямую зависит от конкурентоспособности государства, от его способности находить возможности снижать долгосрочные риски и защищать национальный бизнес от негативных факторов нерыночного характера. С этой точки зрения создание эффективных механизмов взаимодействия между государственными институтами и бизнесом в целом, создание для последнего положительных стимулов и возможностей адаптации к стремительно меняющейся глобальной экономической среде должно стать отдельным и чрезвычайно важным направлением процесса форсированной модернизации.

Третьим направлением реформ должно стать внесение существенных преобразований в секторы, способные и призванные предоставить ресурсы для будущего экономического и социального развития, - в систему образования и организацию научных исследований как в сферы, формирующие необходимые интеллектуальные ресурсы, и в национальный финансовый сектор, являющийся поставщиком капитала. Разговоры о необходимости серьезных реформ в этих секторах ведутся давно, число подготовленных вариантов программ соответствующих действий исчисляется десятками, но количество и, главное, качество реально предпринятых мер производит удручающее впечатление. В результате состояние этих критически важных для будущего развития сфер абсолютно неадекватно масштабам объективно стоящих перед ними задач и уже сегодня является тормозом для экономического развития. Очевидно также, что эти сферы по своей природе не могут развиваться и функционировать вне рамок государственной политики и уже в силу этого должны быть в центре внимания любой программы модернизационных реформ.

Разумеется, список объектов реформаторских усилий, выдвигаемых в повестку дня задачей модернизации, не ограничивается вышеперечисленным. Так, например, совершенно отдельную тему составляет план необходимых политических реформ. Не было ничего сказано и о назревших реформах в сфере безопасности, в области внешней политики государства, в сфере народного здравоохранения. Да и в рамках каждого из затронутых направлений возможна дальнейшая детализация с уточнением перечня насущных задач и необходимых мер. Тем не менее главная мысль всего вышесказанного состоит в том, что тезис о том, что якобы главные реформы уже позади и теперь для успешного поступательного развития страны необходимы лишь их доводка и урегулирование некоторых второстепенных вопросов, ложен от начала и до конца. Подлинные реформы, ведущие Россию к социальной справедливости, экономической свободе и эффективности, по существу, еще не начинались, и для того, чтобы запустить процесс, необходимы трезвое осознание ситуации и ясная и однозначная политическая воля.

Заключение

Где взять политическую волю для осуществления реформ - особый вопрос, который многим сегодня кажется неразрешимым. Однако сложность сложившейся в России политической ситуации - не оправдание для бездействия.

Во-первых, план, который мы предлагаем, все равно так или иначе нужно будет реализовывать, потому что демонтаж антиправовой криминальной системы - необходимое условие дальнейшего развития. Можно сколько угодно умничать, изображать циников и всезнаек, но жить так нельзя, бизнесом заниматься нельзя и страну сохранить нельзя.

Если реформы не будут реально и всесторонне осуществлены в ближайшие пять-десять лет, Россия окончательно утратит шансы на то, чтобы стать современной развитой страной, и дезинтеграционные тенденции, как это было в случае с Советским Союзом, станут непреодолимыми.

Во-вторых, сетовать на невозможность реализовать предложенный план реформ - значит ставить телегу впереди лошади. Общенациональный проект постиндустриального общества может стать основой для объединения всех, кто хочет сделать Россию процветающей европейской страной. И мы такой проект предлагаем.

Очень важно избавиться от навязанного пропагандой ощущения поражения демократии, якобы не понятой и не принятой массами. Политическое и экономическое банкротство «реформаторов» 1990-х не равноценно провалу демократии. История доказала правоту тех, кто боролся за демократическую альтернативу. Хотя мы и не победили, но мы оказались правы и можем честно разговаривать с людьми, рассчитывать на поддержку программ, подходов к реформам, их конкретных механизмов, которые разрабатываем уже не один год.

Наши союзники:

- те, кто считает, что сохранение демократического устройства страны, действующей Конституции, прав и свобод человека в ней записанных, - высший приоритет сегодняшнего дня;

- те, кто осознает, что нужна специальная политика по демонтажу олигархической системы 1990-х: созданию, наконец, полноценного института частной собственности, прекращению постоянного возврата к итогам криминальной приватизации, нужен отказ от пересмотра этих итогов на определенных, внятных, общественно приемлемых и экономически допустимых условиях;

- те, кто понимает, что социальный разрыв в обществе огромен, контрпродуктивен и должен быть преодолен;

- те, кому не безразлична Россия.

Таких людей в России много, особенно за пределами замкнувшейся в себе «политической элиты». Конечно, мы не можем гарантировать успех, но мы знаем, по какой дороге к нему идти.